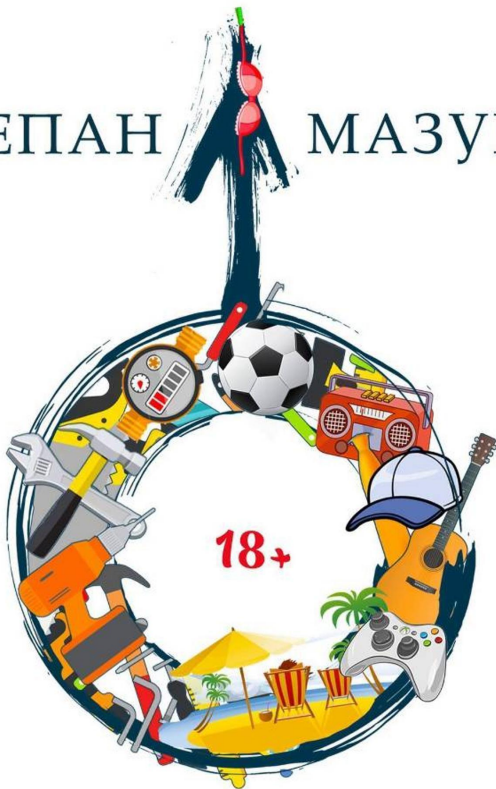

СТЕПАН МАЗУР

ТОТ САМЫЙ САНТЕХНИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Степан Мазур

Тот самый сантехник 7

Серия «Тот самый сантехник», книга 7

<https://litres.ru/73513209>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-907465-79-4

Аннотация

Борис Глобальный отправился в автопутешествие из Новосибирска в Санкт-Петербург, чтобы поднять денег для развития проектов. Но молодой сантехник вынужден задержаться в Москве в семействе Богатырёвых. Происходит знакомство с Владимиром Богатырёвым, который пытается прийти в себя, да и бизнес-планы Ларисы Борисовны выглядят многообещающе. Ещё и Вика Лопырёва скучать не даёт, не даром же дочка Шаца. Клан, что надо! Придётся задержаться. В Питере, опять же, не без приключений выходит, а как только сибиряк вернётся домой, сразу же займётся строительством. Весна грядёт и время глобальных обновлений.

Содержание

Глава 1 – Научная сантехника	4
Глава 2 – Отношения без сношений	20
Глава 3 – В отношении сношений без изменений	44
Глава 4 – Залётные	64
Глава 5 – Покер-фейс	81
Глава 6 – Приключения жёлтого автомобильчика	101
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Степан Мазур

Тот самый сантехник 7

Глава 1 – Научная сантехника

Конец января 2023 года радовал москвичей тёплой погодой. Если из Сибири Борис Глобальный выезжал в подштанниках, шапке с ушами и зимней куртке, то по пути зимний наряд постепенно перекочевал в багажник. По столице столицы щеголял уже в джинсах, зимних ботинках и в расстёгнутой куртке со снятым подкладом. А о шапке и думать забыл, игнорируя даже спортивную. То зима не зима совсем.

Уйти с автовокзала, однако, сантехнику не дали. Сопроводивший встречающую процессию, он тут же был остановлен зорким десантником:

– Стой!

Сколько успел расслышать о нём Владимир Богатырёв от блондинки – история умалчивает, но Глобальный не успел даже до здания автовокзала дойти, не то, что в автомобиль вернуться.

– Да погоди ты!

Сибиряк повернулся. Широкоплечий и тощий как палка мужик в военной форме, тельняшке и берете набекрень

вдруг возник за спиной и положил руку на плечо, остановив.

– Ты, что ли, Боря?

– Я, – ответил молодой сантехник, так как никогда не стеснялся ни рода деятельности, ни – имени. Это Венцеславы пусть стесняются и Марсели, а он – свой.

– Боря, тут такое дело! – тут же прикинул Владимир Богатырёв таким тоном, что отказаться от дальнейшего предложения невозможно. – Я вернулся и надо это дело отметить!

Глаза светятся искоркой. От такой хоть прикуривай. Кому – динамит, кому – сигарету. Каждому – своё. Но смотреть приятно. Хочется за человека порадоваться. Выжил, выстоял. А как дело было – уже детали.

– Да я, вообще-то, не пью, – сразу подчеркнул Борис Глобальный, уже понимая, что за рулём сегодня далеко не уедет. Усталость накопилась за несколько дней в дороге, а впереди долгая дорога. Потом ещё возвращаться без сна. И времени на всё кот наплакал.

«Как всегда и бывает. А жить когда будем»? – тут же пробурчал и внутренний голос: «? Может, хотя бы покормят»?

– И я не пью, – кивнул десантника-массажист и тут же уточнил. – Не пил... Но теперь – надо. Чую, прям, вынужден выпить. Идём, Боря. Надо многое наверстать!

– Слушай, а как там... в целом? – неожиданно спросил Глобальный. – Тяжело?

Сердце болело за фронт. Переживал каждый день. Хотя и здесь вроде иной клик мышкой равен одному выстрелу там.

А что конкретно делать – хрен его знает. Вся страна в смятении. И пока одни чмырят либералов, другие поддерживают тех, кто в окопах. Как могут поддерживают: словом ли, делом. Но всё в любом случае немного – там. С каждой новостной строкой, с каждой сводкой, с каждым манёвром.

Володя лишь покачал головой, а затем ответил неспешно:

– В Отечественную войну тяжело было, Боря. Когда полумиллиона солдат обрушилось на нашу империю с населением в 36 миллионов. И объединённые силы «двенадцати языков» дали прикурить, пока все в кулак не собрались и не прогнали хором до Парижа. Ещё в Великую Отечественную войну тяжело было, когда потенциал Союза с населением 190 миллионов решили потушить сразу пять с половиной миллионов «чистильщиков». И четырнадцать стран выступило за ось Рим-Берлин-Токио с совокупным населением в 480 миллионов.

– Выстояли же, – отметил Глобальный.

Десантник кивнул:

– Это да. Нас тогда немало было разных, но спаянных одной Идей. Собрались всем народом и обратно проводили до Берлина несогласных. А сейчас... – Богатырёв на миг задумался. – Сейчас против нас воюют так или иначе 50 стран, какой-то жалкий плюс-минус миллиард против 145 миллионов. И пару миллиардов не определившихся. Но если быть конкретными, то с нами по сути лишь Беларусь и Монголия. Ладно, округлим до 150 со всеми остальными «союз-

никами». Вот и получается десятикратное превосходство у противника плюс стократное в экономике, – Богатырёв стиснул зубы, по лицу как дрожь пробежала. Глаза похолодели. – Сейчас нам, Боря, не тяжело. Сейчас нам скорее полный пиздец. Но это состояние нам привычней. Честное оно, что ли? Когда все маски сброшены.

– А когда было легче? – тут же добавил Глобальный.

– Так и воюем, – кивнул десантник.

Всё-таки не все цифры поддаются логике. Да и не каждый житель государств-оппонентов желает твоей смерти. Дело в правительствах, в их покорности общей генеральной линии. Но всегда есть место случаю. Иначе бы маленькая Македония не покорила Грецию, а затем почти весь известный мир. А из племени выскочек на Тибре не выросла бы целая империя. Да и Британия лишь маленький остров, а одно время занимала четвертую часть глобуса. Как и СССР – одну пятую. И везде дело было совсем не в цифрах.

«Скорее в людях и их стремлениях», – прикинул внутренний голос: «КНДР же может. И мы сможем, если займёмся тылом вплотную. У нас один тыл – целый мир, со всеми его глобальными противоречиями».

– Выстоим, – кивнул Богатырёв, поправив берет. – Проблема скорее в том, что Тут от нас останется, пока мы Там трудимся? Свято место пустым не бывает. И пока одни мужики на фронте, другие... таксуют? Чем они тут сейчас занимаются?

«В основном пашем за троих и смотрим на предприимчивых туристов», – хотел сказать сантехник, но не стал.

Богатырёв тут же попытался поймать такси за зданием. Но без телефона и приложения сделать это оказалось не так просто. А загорелый таксист, что с утра караулили клиентов, заломил такую цену, что хватило бы на полный бак бензина в Ламборджини Урус.

Тогда уже Боря положил руку на плечо бежавшего из вражеского плена десантника и кивнул в сторону своего припаркованного автомобиля.

– Володь, я подвезу. Не переживай, – заявил сантехник и дружески пожурил. – Ты чего, братан? И так прошёл огонь, воду и медные трубы.

Снега в столице как не бывало. Дороги все в соли, которую лично отбирает по утрам Собянин. Так какие проблемы?

– Я что, по-твоему, самогон? – хмыкнул Богатырёв. – Слушай, я уже давно ни о чём не переживаю, – вроде бы улыбнулся он, а в глазах на миг грустинка проскользнула. – Но домой попасть не против.

Присмотришься как следует, а в собеседнике огонь, кровь и боль. Прямо в человеке. Пропах то ли дымом, то ли накопилось всё и так и тлеет изнутри. А если не допытываться, то вроде нормально. Стоит человек, улыбается. Только улыбка та такую подоплёку имеет, что с головой накрыть может. Как цунами.

«Попробуй потом выплыви прежним», – предупредил

внутренний голос, ещё толком не зная, как относиться к собеседнику.

– Домой так домой, Володя. Где там женщины?

– Вик, Ларис! Где вы там? Ходу-ходу-ходу! – приободрил их Богатырёв. – А с меня тогда истории... Много.

Женщины перестали шушукаться. Только что сидели в телефоне на пару, составляя список покупок и оформляя доставку, чтобы на магазины времени не тратить, а теперь ускорили ход вдоль платформ и почти бегут к автомобилю. Вскоре все вчетвером оказались в салоне жёлтого как лимон элитного внедорожника. Боря завёл с кнопки, по привычке подождал символические десять секунд и попытался вклиниться в трафик.

Володя оказался спереди на пассажирском. И тут же постучав по бардачку, спросил:

– Стоит наверняка как пара БТРов, – после чего погладил кожаный салон и спросил. – Слушай, а кем ты работаешь? На вид вроде простой рубаха-парень.

– Так я простой, только вместо рубахи спецовка.... Сантехник я, – скромно ответил Боря и чуть тише добавил. – Просто верчусь как могу. А это Шаца машинка. Я просто перегоняю. Надеюсь, никакое Порше по дороге в меня не влетит и доберусь без эксцессов.

– Боря, ты бы не переживал по мелочам. А если что – звони, – тут же заверил Володя и черкнул телефон на бумажке, оставив в бардачке. – Я этот номер восстановлю на днях. А

что за Шац? Мы его знаем?

– А Матвей, он же Шац – это мой папа! – добавила Вика с заднего сиденья важную для семьи информацию. – И он сейчас где-то там же, откуда ты прибыл.

– А ты, значит, Матвеевна? – прищурился Богатырёв.

– Прикинь!

– Вот это я понимаю, известия. Так у меня есть тесть? И он воюет? Решено... напьюсь! – весело протарабанил по торпедо Володя и закончил на собственной щеке, изобразив звук открываемой бутылки. После чего повернулся к Вике и просто сказал. – Вик, выходи за меня, а? Пора нам узаконить наши разращения.

Лариса только глаза округлила, а блондинка рядом покраснела и переспросила:

– Что, так сразу? А предложение? И встать на колени?

Володя тут же кивнул и добавил:

– Да, точно. Кольцо же надо достать. С делами сейчас только разгребу пару дней и займусь этим вопросом. Дай мне немного времени.

– Да ты отдохни сначала, в себя приди, – тут же сдала назад Лариса Борисовна.

– Я там подумал, пока время думать было. Раз выживать не успеваем, придётся жить, – после чего десантник повернулся к бывшей начальнице и продолжил. – И ты, Ларис, выходи за меня. Чего нам стесняться? Как там у тайцев? «Миа ной»? Да? Так вот, будешь второй женой! Но не побочной,

а... важной!

От такого даже Борис Глобальный чуть не присвистнул. Но вовремя вспомнил о примете.

– Володя, – тихо произнесла Лариса, как женщина обстоятельная, а не «ля-ля». – Давай мы тебя сначала психологу покажем, откормим и реабилитацию пройдёшь.

– А что не так? – приподнял бровь десантник.

– Да то, что на тебя сейчас школьный выпускной костюм налесть может! – добавила Вика. – Худенький такой стал. Кожа да кости.

Десантник только отмахнулся и тут же потерял интерес к заднему сиденью, переключился на водителя:

– Так ты продать тачилу вздумал?

– Перегоняю в Питер, – ответил Боря. – Шац просил. Только контузию словил где-то под Клещеевкой. Выпал из этого процесса. Что теперь делать, толком не ясно. Но вроде всё по-прежнему на мази. Вот и поеду меняться. Машинку на сумку.

Володя тут же хмыкнул, скривился:

– Да брось, оставь её ещё на год на руках. И продашь уже на пару миллионов дороже. Сейчас всё так подорожает, что ахнешь. Техника, квартиры, автомобили. Только жизнь человеческая подешевеет, Борь. Как говорится: «лес рубят – щепки летят»... А мы не щепки, Борь. Мы – люди! Все там – люди!

И Богатырёв отвернулся к стеклу. Глаза вдруг встали на

мокрое место. Только показывать этого не хотел. Как и то, что стал нервным и дёрганным.

От Глобального не укрылось и то, что десантник никак не знал, куда деть руки. Что вообще пережил этот ранее здоровый мужик со шрамами на лбу, который теперь весил как школьник, сказать сложно. Видно сразу, что вместо мышц – жилы. Может пробежать в разгрузке кросс, а иная разгрузка уже почти как он весит.

«А всё потому, что вместо крови по тем жилам течёт – пламя. Им и выжил в свои двадцать пять-двадцать шесть», – заметил внутренний голос: «Ничего-ничего, в себя придёт, отойдёт, а проблемы и не проблемы вовсе».

Проехали в молчании автозаправочную станцию. Боря скосил глаза на таблицы. Цены в столице уже догоняли показатели в глубинке, где и добывают нефть и перегоняют дизтопливо и бензин. Но сделав круг, тот всегда отправляется обратно хоть на пару рублей, но дороже.

«Словно Центральный Нефтеперегонный завод прямо у Кремля стоит, а всем остальным за километраж начисляют», – заметил внутренний голос.

Тишина повисла в салоне, что напрягало. И чтобы как-то разрядить обстановку, Глобальный придумал шутку:

– Несмотря на падение цен на нефть, падение цен на бензин удалось избежать... Держимся, Володь?

Богатырёв смахнул слезу, потёр лоб, кивнул:

– Держимся, братан. Хрена делать? Всё просто в сравне-

нии. Кто-то с чёрной икрой на завтрак за столом держится, а кто-то на воде и хлебе постоянного поста придерживаться должен. Не по своей воле. Но в целом – всем же тяжело? Так выходит?

Лариса, что только что улыбнулась предыдущей шутке, снова скисла, Вика вообще не поняла, промолчала.

Следом десантник повернулся к водителю, посмотрел пристально в ухо, а затем спросил:

– Так мы Соледар взяли?

И Боря понял, что он ещё там, на «передке». Слушает грохот арты и немного контужен. Ему всё равно, сколько капает на карту ежемесячно. Почти ничего не потратит или отправит домой почти всё. Он там и по-прежнему иногда выглядывает из окопа. А с наступлением темноты будет ждать атаки на редут. Но что-то сейчас их связывало. Общий интерес, к примеру. Большая часть страны сейчас обсуждала одно и то же на кухнях, остановках или в кабинетах.

– Да, взяли. Викин отец сказал, что вагнера теперь к Бахмуту стягиваются, – кивнул Боря и припомнил, что Стасян с мотострелками тоже там. И ВДВ где-то рядом, но о них ни слова. У них другой пресс-центр. Не такой раскрученный бренд, как у ЧВК.

Володя прислонился к стеклу, зевнул и вдруг сказал:

– Ночью – хуже всего. Когда температура окружающей среды уже упала, вокруг не видно ни зги, а в тепловизоры можно разглядеть каждого на позиции и обнаружить рабо-

тающую технику. Вот тогда и наступает время жатвы... Тяжело.

– А днём? – спросил сантехник, что из всех грохотов на Новый год слушал лишь салюты и фейерверки за окном, пока без отвлечения на постороннее, решал демографический кризис в стране, помогая ещё одной женщине забеременеть.

«Всё-таки Татьяна Юрьевна может произвести на свет человека ничуть не хуже, чем Дашка», – отметил внутренний голос: «А раз обе просят, то как не помочь? Против эротического женского захвата в четыре руки ещё ни один мужчина не устоял».

– А днём даже поспать удавалось, – припомнил Богатырёв. – Даже когда арта работает, уже не замечаешь. Спишь как убитый. Работают пацаны, значит всё хорошо. Патроны есть, значит. Есть чем отвечать.

Боря кивнул и тут у него зазвонил телефон. Щелкнул гарнитуру в ухе. Звонил «Роман Новкуров», как отобразилось на дисплее.

– Брат звонит, извините, – ответил Боря и тут же услышал на фоне речь Наташки.

– Рома, дери тебя коза! – выговаривала та. – Почему ты снова нигде не работаешь и опять живёшь за мой счёт?

– Потому что я выбираю семью, ма! – крикнул рыжий брательник в ответ и снова поднёс телефон к уху. – Боря, брат. Выручай. Песня нужна. Хит-хитинушка! Моего креатива только на две строчки хватило. А продюсер за яйца взял

и выкручивает.

– Прямо, выкручивает? – уточнил Боря, удивившись что Коба ещё не засудил его за срыв по срокам по контракту и не требовал все издержки.

– Моисей Лазаревич говорит, – продолжил новый солист группы. – что, если песню к концу месяца не выдам, группа новый кастинг начнёт. По бороде меня пустят, короче.

– Понятно, – не особо удивился Боря, так как вокалист и без того растянул новогодние праздники до конца месяца. – И что ты там придумал? Удивишь?

– Ага, щас! Момент, – зашелестел бумагой Новокуров.

Судя по остальным звукам, сводный брат взял в руки гитару, побрынькал, поймав настрой и выдал подозрительно быстро:

Всё, что ты делаешь – говно.

А сам ты лысый, лох и чмо.

В конце даже вроде струна порвалась.

– Это было... быстро, – отметил Глобальный, вновь не оценив креатива родственника. – Да и ты не лысый. Чего врать-то? Лучше замени эти две строчки!

– На что?

– Ну... хотя бы на...

И Боря выдал экспромтом:

*Баба показала пельмень. Что же делать?
Сразу показала пельмень. Белый-белый.*

Владимир Богатырёв тут же подхватил рядом, выдав в голос:

*Если жить в работе лень, покажи всем пельмень.
Противень следом подавай, за столом наяривай!*

Лариса с Викой рассмеялись на заднем сиденье. И Глобальный, быстро распрощавшись с рыжим вокалистом, пообещал перезвонить. Тут же отключил связь, щёлкнув по гарнитуре.

– Что? – тут же спросил его Володя. – Брат песни поёт?

– Ну как поёт... пытается, – признался Глобальный, не считая премию Мэ Тэ Вэ за одну песню чем-то выдающимся. – Он у нас такой. С особенностями развития.

– Лишняя хромосома? – осторожно спросила Вика.

– «Ребёнок солнца»? – более толерантно добавила более сведущая в инклюзивности Лариса. – Или в женское одевается?

– Не-не, пока не одевается. Кто ж ему даст? – отмахнулся Боря. – Просто дурак! Хотя тоже рыжий. Его в старой группе так и называли «рыжий хуй – помощник солнца».

Все невольно улыбнулись.

«Шутка стара как выделение кроманьонцев из неандер-

тальцев, но всё ещё заходит», – добавил внутренний голос.

– Впрочем, не будем о дураках, – добавил Боря. – Да и материться в вашей семье не хочется. У вас тут вроде брак намечался... парный?

– Да какой брак? Давай я ему напишу! – тут же предложил Богатырёв, который этих дураков по обе стороны баррикад столько повидал, хоть желание загадывай. А маты среди них – стиль жизни и естественно-разговорное. А некоторые без пиздюлин вообще не понимают. – Да и за брак как не выпить? Споём и напьёмся вместе, Борь!

– Да я тоже могу написать, – пожал плечами сантехник. – Дело в не в этом. Он сам развиваться должен. А то всё кавера, дебоши, хит, кавера, дебоши, шит. А все песни про говно постоянно. На первом же концерте вообще едва фаната не обоссал. А тот наследственный был. От прошлого солиста остался. Вот и думай, своевременный поступок? Или авансом у популярности взял?

– Так и юмор про говно сейчас в основном, – добавила Виктория. – А где балы и дуэли? Что с миром творится? Мужчины совсем перестали носить бакенбарды и бить друг друга по лицу перчатками.

Боря вздохнул тяжело и добавил:

– Вот-вот. У нас и так жизнь не сахар, куда ещё на вентилятор накидывать? Творчество должно быть весёлым, лёгким, позитивным. А у нас почему-то в бабушек чаще переодеваются. На них же и женятся.

– Так привычной. Дорога уже проторена, – добавила Лариса Борисовна и переглянулась с Викторией.

Блондинка покачала головой. Мол, не то он имел ввиду. Володя хмыкнул, задумался. Всё даже повисло в неловком молчании.

Снова... Но ненадолго вышло. Навигатор привёл Урус в элитный посёлок закрытого типа. И Борис Глобальный, глядя на ворота с охраной и высокие заборы, тут же испытал чувство дежавю. Точь-в-точь посёлок Жёлтое золото. Только снега нет. И уже не Собянин как будто лично ходил подметал или хотя бы руководил уборкой, а мэр Подмосковья за процесс отвечает.

«К счастью, его имя не на слуху», – уточнил внутренний голос Бориса и тут же добавил: «Но насколько мы здесь зависнем?»

Едва они подъехали к дому, как у ворот их уже ждала доставка продуктов.

«Слушай, а быстро тут у них всё. Сервис», – заметил внутренний голос: «А у нас только грузоперевозки круглые сутки работают, да и те никому не нужны. Не совсем тот сервис, который в глубинках ожидают. Лучше бы доставку дров круглосуточную организовали, пока газификация буксует».

Боря остановился, выгрузил пассажиров и уже хотел продолжить путь в Питер, но тут Володя приобнял за плечи и выдал:

– Слушай, а ты прав... Идём-идём, голодным тебя в доро-

гу никто не отпустит. – и десантник улыбнулся следом. – А, трезвым сегодня, тем более! Кстати, я тебе рассказывал, как батя в тропиках баню построил и аборигенов веником пальмовым охаживает? Нет? А про то, как мамка вместо «том яма» борщами тайцев кормит? О, брат! Как раз и расскажу, как мы им там Пхукет в Таиланде русифицируем.

Боря улыбнулся. Может, шутка такая? Но пошёл загонять автомобиль за ворота. Каким бы элитным посёлком тот не был, всегда найдётся вероятность, что кому-то по пути на улице боковое зеркало окажется нужнее. Или значок с капота на память детворе значок понадобится.

Лариса только повернулась к Володе и спросила:

– Так в чём он прав?

– А, ну так это как в анекдоте, – отмахнулся Богатырёв. – «Скажите, а правда, что Кац выиграл в лотерею миллион? Правда. Но не Кац, а Рабинович. И не в лотерею, а в карты. И не миллион, а сто рублей. И не выиграл, а проиграл».

Улыбнулся, а глаза грустные. Лариса только кивнула. Тепло-то вернули, а теперь душу лечить надо. И сознанию привыкать надо. Но кто сказал, что будет легко?

Жив! Это главное. А дальше перед ветераном боевых действий все дороги будут открыты... Или откроет. Настырная.

Глава 2 – Отношения без сношений

В руках оказалось немало пакетов. Как только все зашли в большой, просторный дом, как Лариса Борисовна отключила сигнализацию и подхватила пуль управления. Потыкав с десяток кнопок, домовладелица нахмурилась. А затем помрачнела как туча над храмом и принялась возмущаться:

– Что за хрень? Плачу как за дворец, а отопление встало! И горячей воды нет! – перечислила хозяйка и подытожила. – Дома дубак, разброд и шатания.

Боря немного улыбался, глядя на неё. Забавная и чернявая. Вроде бровей нет, а те, что есть – нарисованы. И губы подведены у этой женщины-босса как красная линия разграничений. Двигаются, негодуют чего-то.

А чего возмущаться? Решать вопросы надо!

«Кто говорил, что легко жить в большом доме, когда ничего не умеешь делать своими руками»? – добавил внутренний голос сантехнику.

Богатырёв только на Ларису посмотрел, как тоже недовольное лицо сделал. Хотел просто помыться, напиться и забыться. А даже согреться толком не выходит. Вот тебе и тыл.

– Всё решило сломаться сразу? Почему так? – не понял десантник, не спеша даже переодеваться. – Или тут без нас еног жил?

– Какой енот? – не поняла блондинка.

– Тот самый енот! – хмыкнул Володя и посмотрел на Ларису. – Он же всё и сломал?

– А мне почём знать? – ответила потенциальная жена в категории «постарше». – Я тут уже полгода не была. А Вика тем более в доме не появлялась. Мы на квартире кантовались. А чаще вообще в кабинетах спали. Уснёшь тут, когда ни сна, ни покоя. За тебя, дурак, переживали.

Некоторые могли назвать Ларису «кугар», так как из категории «милфа» она потихоньку продвигалась вверх по возрастным градациям. И если Владимиру Богатырёву на чужбине исполнилось двадцать шесть, то ей без него пришлось отметить пятидесятилетний юбилей. Это был самый грустный праздник в ресторане «Мокрая ива» из всех возможных. Не спасли его ни стриптизёры, ни крепкие алкогольные, ни родня, что по такому случаю нагрянула с Таиланда... Ведь это была родня Богатырёва.

Весь возраст отразился на лице словно только что, когда у женщины, что около года держалась на внутренних волевых, вдруг закончились силы.

– А почему это вы дом бросили? – не понял Володя, не распознав этот момент, так как порядком посадил зрение в плену, где света белого не видел.

– Да потому что без тебя это не дом, а так... воспоминания одни, – добавила Вика и пошла на кухню проверять холодильник.

Электричество работало исправно. Да и датчики на холодную воду пищали, жаловались, но поток был. Бежал тоненькой струйкой, но достаточно, чтобы помыть овощи.

– Мы на квартире общей живём все сейчас. В пентхаусе бабки. Там после ремонта уютно. И ты не мерещишься по каждому углу, – добавила Лариса, стараясь полностью не расклеиваться. Потому как можно быстрее понесла пакеты следом за блондинкой.

Богатырёв на пакеты даже не смотрел, на сантехника только взглянул:

– Выручай, брат. Пока долг Родине отдавал, всё на хозяйстве накрылось медным тазом. А я только треснуть могу. Вдруг что-то заработает?

Боря покачал головой:

– Не, тут немного другая схема. Гляну.

Несколько дней без работы в дороге привели к затёкшему заду и пояснице. Руки сами нагрузки просили. Так что Глобальный с энтузиазмом принялся за диагностику.

– А есть инструменты и во что переодеться? – только и спросил он, остро сожалея, что нет спецовки. Ещё и разводной ключ выложил из багажника, подготовив автомобиль к предпродажному виду изнутри. – Надо проверить котлы и бойлеры. У вас же скважина?

Володя удивил следующим переадресованным вопросом:

– Ларис, у нас же скважина?

– Ещё какая! – донеслось в кухне.

И Глобальный понял, кто в доме за хозяина. Порой бывает, что по жизни все бытовые вопросы на себя берёт женщина.

«А порой бывает, что **ВООБЩЕ** все», – добавил внутренний голос.

– Насосы тоже могли тиной порастить, – предположил Боря. – Эти умные дома не такие уж и умные. Вручную надо всё проверить, посмотреть.

– Я пока кондёры на тепло включу, – вернулась с «пультом всевластия» Лариса Борисовна и повела его в гардероб.

Вначале Боря хотел сказать «не надо», но потом вспомнил, что московская зима – это что-то около нуля градусов и лишь поджал губы. Когда у большей части страны зимой считается нормальная температура от минус двадцати до тридцати, кондиционеры уже не помогут. Ещё и колом встанут.

Затем они спустились на цокольный этаж, где располагались основные коммуникации, была пробита скважина и даже находились сауна с душем, чтобы далеко не ходить.

Даже не думая одевать перчатки, Боря принялся за работу. Первый же бойлер показал суть проблемы. Стоило начать его разбирать выданным инструментом в подарочном боксе, где каждый ключ блестел хромом, отвёртки походили на винтажные, и вряд ли когда-то когда-либо ими пользовался, как на плиточный пол посыпался такой слой накипи, словно агрегат вообще никогда не обслуживали. А на нагревательном элементе был слой ржавчины толщиной в палец.

«Запустили. И не озаботились установкой фильтров», – диагностировал внутренний голос.

– Как только работал? – удивился даже Глобальный.

Словно установили бойлер при строительстве дома и условно решили не трогать, пока не сломается. Или представитель фирмы до того обнаглел, что выдал пожизненную гарантию. Впрочем, если бы воду взяли на пробу и озаботились достойной системой фильтрации, возможно, так бы оно и было. Но кто об этом думает, когда всё работает в первое время?

– Хорошо, что собаку с котом так и не завели, а то пришлось бы ещё и похоронами заняться, – пробурчал Володя.

Глядя на это дело с подтекающими лужами ржавчины, десантник пошёл за ведром и тряпкой, принявшись помогать по хозяйству. Хотя бы уборочный инвентарь должен был находиться в кладовке на своём привычном месте. Попутно Володя переоделся, снял военную форму, натянул белую майку, шорты, тапочки, что около года ждали в гардеробе стопочкой. И только тут Боря понял, что в сантехнике Богатырёв не разбирается вообще, раз облачился в белое, а на форме не хватало погонов. И были сорваны петли.

– Володь, а ты кто по званию?

– Капитан.

– А уходил...

– Старшиной.

– То есть за год ты...

– ... начали мы неплохо, – оборвал его Богатырёв, чтобы лишнего себе не думал. – Под Гостомелем звание сразу получил. А затем что-то пошло не так, отступили. Как там? «Жест доброй воли», ага. Затем устаканилось вроде, но снова пошло не так. Поток оружия такой хлынул, что голову над окопом не поднять. Закрепилось. Терпели. – Перечислял он какие-то важные для себя моменты, которые сам Глобальный пропустил в начале спецоперации, потому слушал в полуха. Но затем десантник признался. – А ещё я тоже оказался очень доверчивый, Боря. Вот и попал в плен по глупости, и из-за веры в людей. И ещё полгода учился понимать голодающих блокадного Ленинграда.

– Ленинграда? – переспросил сантехник.

– Хлеб и вода, Боря, – вздохнул десантник. – А иногда и того не было. Зато всё лишнее скинул! Даже то, что считал нужным!

Тонкий и юркий Богатырёв лавировал ведром и дополнял тряпкой, пока Глобальный подкручивал гайки и проверял резинки. Так и разговорились. За работой проще было вернуться в бытовую колею.

Но про плен Боря не уточнял. Слишком личное.

«Захочет – сам расскажет», – твердил внутренний голос.

– Есть соляная кислота? – спросил лишь в какой-то момент сантехник.

– Я знаю много других способов уйти из жизни, поинтереснее, – ответил Богатырёв почти без улыбки.

– Да не, – отмахнулся Боря. – Просто нагревательный элемент будет блестеть как новенький. Понимаешь, здесь нет ничего сломанного. Просто... запущено многое.

– Есть коньяк. С лимоном, – тут же нашёлся Володя. – Бахнем по маленькой?

– Ну разве что по маленькой. И с лимоном, – уточнил сантехник, глядя как быстро белая майка приятеля превращается в половую тряпку от всех стараний и большого желания помочь.

Сказано-сделано. Выпили. Закусили.

Боря попытался сбавить обороты, расслабиться. Но работа почему-то только быстрее пошла. Даже кислота нашлась в гараже. Хотя каким ветром её туда занесло, никто сказать толком не мог. Копаться в прошлом Ларисы никто не решался. Скелетов на заднем дворе закопано едва ли не больше, чем у Шаца.

Следом за диагностикой бойлеров Боря проверил насосы. В наружных насосах подачи воды по системам забило фильтры грязью, а от длительного простоя разрослась «инопланетная жизнь». В ней преобладали три цвета: бурый, зеленоватый и серый. Все оттенки грязи из возможных, если приглядеться.

– И вот на всю эту хрень ты смотришь каждый день? – уточнил десантник.

– Не только смотрю, но и трогаю, – ответил Глобальный, действительно зачищая соединения. – А ты кто по профес-

сии? Ну... был.

– Массажист, – сказал Богатырёв и посмотрел на свои грязные пальцы. – Не знаю только, смогу ли снова радовать женщин, как раньше.

– А как было раньше?

– Хорошо было! – отрезал Володя и погрузился. – Давай ещё по одной.

Выпили. Закусили. Продолжили работу.

Тут-то Глобальный и понял, что коньяк в сочетании с лимоном после длительной дороги начал гонять кровь по телу. Тепло стало, булки размял, конечности заработали как следует. Но сознание при нём.

«Слушай, а неплохой коньяк у москвичей», – прикинул внутренний голос: «Наверное, настоящий. Ну да, не всем же бормотуху по пятилитрухам разводить. Должен быть где-то и нормальный алкоголь. Для людей».

Больше всего досталось глубинному насосу. Тот словно искупался в нефти и был чёрен как крыло ворона. Почистив насосы и заменив фильтры на новые из коробочек, что привезла доставка со склада за какую-то треть часа вместе с новыми резинками, Боря следом слил старую воду в трубах вперемешку со ржавчиной. Затем залил в систему новую воду прямо с садового шланга в гараже и немного поколдовав с газовой трубкой, почистив сопла. А когда систему промыл уже как следует, следом запустил и отопление в целом.

Оставалось лишь проверить все краны, почистив ситечки.

Но это тоже не заняло много времени. И когда сантехник выгреб горку рыжего порошка с кухонного крана последним, Лариса всплеснула руками, неподдельно образовавшись:

– Боже, как нам этого не хватало! – на радостях она не только обняла его, но и расцеловала в обе щёки. – Я и не думала, что здесь возможен такой напор воды!

– Так и должно быть, – улыбнулся сантехник, размазывая рыжее пятно по пальцам.

Приятно делать людям добро. И не в Вике уже дело, и не в Володе. А так, в принципе. И коньяк в нём говорит или душа шепчет, не важно уже. Добро в мелочах. Покой в дом. Что ещё нужно?

Следом сантехник проверил раковину и почистил слив. Тот хоть и был с измельчителем мусора, но давно покрылся чернотой и таким слоем жира, от которых трубы даже кислота бы не спасала.

Лариса Борисовна, что теперь на кухне от него ни на шаг не отходила. И подозрительно долго на зад пялилась, пока под раковиной в коленях стоял, даже голосом потеплела. Уже не Володя с тряпкой, а она рядом суету и порядок наводила, пока он с хаосом в системе слива боролся.

Работы оказалось не мало, но и не так уж и много. И в какой-то момент прозвучало следующее от хозяйки:

– Боря, спасибо за воду и тепло. Я и не думала, что раковина может так быстро воду сливать. Короче, проси, что хочешь. И вообще чувствуй себя как дома. Сейчас сервируем

стол, блюда почти готовы. Скоро усядемся. Может, пока помоешься с дороги?

– Было бы неплохо, – потёр рукавом нос сантехник, так как сколько руки не мой, а всё равно пахли болотными чудищами.

И только горячий душ спасёт положение, когда вехоткой и губкой как следует за кожу возьмётся. И всё-все под ногтями вычистит и под кутикулами.

Если массажист избавлялся от кутикул для работы с кожей клиенток, то сантехник вычищал их порой вместе с пеной и прочими скрабами, если такие попадались под руку.

«Всё-таки в гостях», – наставлял внутренний голос: «И выглядеть надо соответствующе. А на парня с большими не стриженными ногтями будут смотреть как на сельского увальня, что коровам хвосты крутит».

– Ви-и-ик, дай ему полотенца, – стараясь не смотреть на сильные руки мужчины, который вдруг пришёл и всё исправил и теперь так тщательно пальцы перед ней в раковине моет, что сексуальные образы сами в голове лезут. Никакой эротики смотреть не надо.

– И постели в гостевой комнате, – немного осипшим голосом добавила Лариса Борисовна, ощущая, как невольно поднялась температура.

Тело желало мужчины. Длительная выдержка дала трещину. А теперь наглый самец ворвался в её личное пространство и пахнет потом. Таким мужским, рабочим, с примесью

тестостерона и чего-то особенного, чем бы сейчас дышала и дышала.

– Сделаю, босс, – пришла на кухню блондинка, перестав уделять внимание лишь Володе. Извозился весь в грязи, в ржавчине весь какой-то, тощий, уставший, качается. Такого хотелось отмыть, укутать в плед и усадив у камина, кормить с ложечки. Там не до тестостерона совсем. Лучше убаюкать и помолчать на пару.

За работой Глобальный понял одно. Несмотря на то, что роскошный дом стоял в элитном посёлке, хозяйка у него знала толк в экономии. Из излишеств только общая канализация, так как запускать на территорию шамбовозку – не комильфо. Не та публика. А вот скважина своя, отопление своё и газовое. Но не батареи и конвекторы по дому стоят, а тёплые полы. На свете тут разоряться не желали, как и на подключении к общим коммуникациям. А один газовый котёл с небольшим факелом менее чем за полчаса так разогрел все полы в доме, что вскоре стало жарко. Пришлось выставлять температурный режим на 40 градусов. Тогда как в обратку к баку тридцать пять приходило.

«Ну да, с такой квадратурой в копейчку обслуживание обойдётся», – заявил внутренний голос и Боря начал смотреть на Ларису с уважением.

– Лариса Борисовна, но его у вас газовое отопление, то зачем вам бойлеры? – удивился сантехник. – Горячую воду можно пустить не только на полы. Ещё экономнее получит-

ся.

Её тут же заинтересовал этот разговор.

– Мне говорили, что газ должен гореть постоянно. Но я настояла на режиме с октября по апрель.

– Если сделать отводку на горячую воду, то может гореть постоянно, а отопление на лето тогда можно просто перекрывать. И не придётся тушить факел. Или выставлять его на минималку, – объяснил Боря и добавил самые важные слова.

– Я себе так сделаю, когда дом построю. У вас же с газом совсем всё просто. И ни света не нужно, и не угля с дровами. Да и возить газовые баллоны не нужно. Так что, сам бог велел!

– Да уж, Борис. Такого мужчины мне тут давно не хватало. Но видите ли, пришли другие. И посоветовали не так, как надо... сразу. А я, дура, и не проверила. Но теперь сделаю работу над ошибками.

Она улыбнулась загадочно, додумав что-то своё. Боря кивнул. Мало того, что в свои годы выглядит как ухоженная милфа, что постоянно занимается спортом и может отличить пилинг от лифтинга, так ещё и в голове полный порядок. Готовит, юморит, украшает стол. Юная Виктория только на подхвате у начальницы и немного теряется на фоне её команд.

«Но видимо тут так принято», – ещё подумал опытный сантехник, воспринимая улыбки и лёгкий флирт как должное, так как не обладал достаточным опытом социальной жизни в среде, где ничто просто так не делается.

Первым из душа пришёл Богатырёв.

– Чёрт побери! Как не привычно, когда вода прямо... горячая! И лить можно сколько угодно. Никаких тебе тазиков, ковшиков по баням. Воду копытить не надо. А ты попробуй на роту воды набрать, когда вокруг...

Он замолчал, глядя на заставленный стол. Для Богатырёва в целом стало большим открытием, что обе дамы сердца начали готовить. Это означало, что в спортивно-оздоровительном центре «Женский рай» с массажами и клиентурой всё наладилось, дело поставлено на поток. Значит больше времени проводили в ресторане или готовили на всю семью.

«Конечно, если кто-то из клана всё же решил вернуться из Тая», – добавил мозг Богатырёва, пока Боря отправился принимать горячий душ и переодеваться обратно в своё или то, что выдадут, следом.

– Как там Полина поживает? – спросил Володя, расставляя предложенную посуду по большому столу в столовой. – женилась? Учится?

Квадратура кухни позволяла не только впихнуть широкие шкафы, барную стойку и мраморные длинные столешницы, но и разместить в обеденной зоне стол на восемь персон, где при желании могли поместить и двенадцать, как бывало ранее, когда собирался весь клан Богатырёвых.

– Полинка в Хабаровск переехала вместе со своим хоккеистом, – ответила Вика, пробуя с деревянной ложки соус и давай на пробу массажисту.

– Робертом Грином? – припомнил этого канадского весельчака и балагура Богатырёв за время отдыха в Таиланде. – Он же в Москву собирался перебраться. Нет? Соли добавь.

– Он и перебрался, – добавила та следом шепотку соли, размешала и снова попробовала. Улыбнулась и дала попробовать ещё раз.

– Признаться, соус оказался чертовски вкусным, – откровенно радовал вкусовые сосочки десантник.

– Отыграл за «Спартак» конец сезона, а затем поменяли в «Амур», – продолжила Вика. – А сеструха твоя следом поехала. Говорит, на каждую игру ходит. Болеть за андердогов. Если хорошо себя покажет, переведут в «Сибирь». К тебе поближе переберётся. А если всё будет плохо, уйдёт в «Адмирал». Это ещё дальше. Во Владивостоке. Но у нас тут один парниша оттуда в ресторане практиковался. Там отлично готовят! Хоть самой переезжай ради морепродуктов!

– А как же институт? – тут же захотел добавки с соусом Володя.

Вкусы в нём только пробуждались. Вроде как рецепторы отупели, отморозились и почти умерли. А нет. Не всё пропало. Как только запахло вкусно, дали попробовать и на тебе – есть захотелось!

– Сначала хотела перевестись, а потом забеременела, плюнула, – продолжила рассказ блондинка. – Говорит, курсы какие-то прошла и теперь ноготочки пилит.

– Полинка беременна?! Что ж вы раньше молчали? – тут

же повеселел Володя и снова за коньяком полез в подпол под кухонным полом, где был свой тайный бар с сотней разных бутылок. – Так, пьём все до дна! Боря-я-я! Ты там где?

Глобальный вернулся с влажными волосами, в таких же шортках, майке и белых носках. Только тапочки на нём были чёрные.

«Словно на складе где-то комплектов набрали с универсальными размерами, что всем подойдут», – отметил внутренний голос Глобальному и мозг Богатырёву.

Только на Глобальном это все сидело, а на Володе непривычно висело.

– За клан! – поднял фужер вернувшийся и присел на стул от слабости.

Качнуло.

Все невольно посмотрели на него. Масса тела десантника была близка к катастрофически-низкой по сравнению с ростом. И пары рюмок крепкого алкоголя хватило, чтобы ослабли ноги.

– Уф, тяжело что-то, – признался он. – Давайте покушаем.

Словно только сейчас осознав, насколько он ослабел в плену, Богатырёв откинулся на спинку стула и попытался не только закусить, но и поесть. Но даже самый тонкий слой мяса на вилке и пару тычков в рис быстро подсказали, что больше не лезет.

Вика смотрела и не понимала. Раньше массажист ел много, часто и был тяжелее чуть ли не вдвое. В феврале 2021

года он отправлялся на линию фронта спортивным, здоровым и крепким мужчиной с весом около восьмидесяти семи и отменным аппетитом.

Он говорил, что надолго спецоперация не затянется. Вернётся через неделю, как поделят Польшу сразу после взятия Киева. Ну или через месяц, тогда точно открытку из Берлина пришлёт, когда всем по шапкам надают. Но что-то пошло не так... И сейчас перед ней был тощий мужчина в шрамах весом не больше пятидесяти. Немного дёрганный, суетной. От прошлого красавчика осталась лишь тень. Не изменились лишь глаза. Всё те же, цвета неба. Но если раньше они блестяли и соблазняли. То сейчас грустили и скучали.

Что же они там видели? На что насмотрелись?

Володя шмыгнул носом, прекрасно понимая, что не сможет съесть даже свою старую порцию на тарелке. В лучшем случае получится попробовать всего по ложке-вилке. А стол уже заставлен салатами и горячим, основными блюдами и винами с их винного погребка, в который тоже никто давно не заглядывал, кроме него сейчас.

– Борь, открой вино, – попросила Лариса.

Сантехник охотно помог, быстро справившись с задачей. А Богатырёв даже не решился помощь предлагать. Взяв кусочек сыра, он с тоской посмотрел на свои дрожащие пальцы. Простейшая работа, которую доверил ему молодой сантехник, отняла все силы. Это значило, что тело изношено, на пределе.

Может, не зря начальство настаивало на реабилитации и пыталось уложить в санаторий на месяц-другой? Может, зря он рванул сразу домой, не дожидаясь вердиктов контрразведки и рекомендаций психологов и командиров? В любом случае, боец из него в ближайшее время никакой. Встать в строй с ходу не получится. Начальство это понимало и пошло навстречу – отпустили почти сразу. В Москве не затеряется. А как немного в себя придёт – на учёт встанет.

Но не сегодня.

Сегодня так приятно слушать тишину за столом. Нет, люди-то по-прежнему говорят. Но нет взрывов и криков, стрельбы и проклятий. Поэтому здесь именно – тишина. А всё остальное – фон. Но он – лечит.

Осознав, что вернуть былую форму мгновенно не получится, Володя сходил за гитарой и вернулся к столу. По шестиструнной соскучился ничуть не меньше, чем по женскому телу и домашнему теплу.

Но вот в чём загвоздка: тела пока не хочется. В себя бы прийти после того рывка, когда в ночи бежал по минному полю и бог отвёл, а чёрт не выдал.

И если подумать, тепло дому вернул случайный парень, который тоже мог сидеть рядом в окопе или делить пайку хлеба в плену, повторяя проклятое «паляница» ровно так, как им надо. И всё равно неправильно. Потому что – русский, потому что – кацап. И они бы наверняка там сдружились на фоне общего несчастья.

Но не сидел. И не делил! Ведь кто-то должен был делать работу и дома, чтобы тепло было. И женщины не сатанели от тоски в душе. И телом не маялись.

«Это всё понятно, но почему внутри так хреново?» – твердил мозг Владимиру Богатырёву.

– Боря, а ты женат? – спросил Володя, пытаясь спрятать это поглубже, пока настраивал струны.

Ответ он знал. Кольца нет. И следов от кольца тоже, что порой бывает, если мужчина уезжает в длительную командировку.

– Пока нет, – ответил Глобальный, с большим аппетитом расправляясь с говядиной в сладком соусе.

Нежное, обжаренное мясо, доведённое до ума в духовом шкафу, таяло на языке. А когда вкусов становилось слишком много, за дело брался рис и вбирал в себя всё лишнее, расчищая дорогу для нового вкуса.

Богатырёв поморщился. Его убеждали поест, но он мог теперь только пить. Потому коньяк отодвинули подальше и налили сока. Что ещё из тех, из старых соков.

«Из настоящих, а не выжимка из шмыха и пыли, разбавленная водой и кислотой по вкусу», – добавил мозг массажисту.

Но судя по виду сантехника, Борю устраивало, что теперь чаще пили сок, чем коньяк. Он лишь подливал вина девушкам, не пролив и капли на белоснежную скатерть. А те расцвели за столом и попеременно смеялись и плакали. В зави-

симости от контекста, который менялся так же часто, как темы разговоров.

«Так вот она какая – другая жизнь»? – стучало в голове Богатырёва. Уж сколько раз они на пару с мозгом задумывались о сторонах той жизни. Побывав и на дне, и на поверхности. А какая конкретно она – не сказать.

– А чего не женился ещё? Такой красавчик! – заметила Вика открыто, подставляя бокал под бутылку, так как жизнь в элитном доме ещё не означала элитные манеры.

– Жду ребёнка... ребёнок, – поправился Боря и вздохнул. – Пока и не знаю, на ком женится. Все такие хорошие. И меня вроде хватает. Но... не принято же, чтобы... две жены было. Или... больше.

Лариса кивнула с пониманием, Вика улыбнулась. А Володя поднялся и заявил:

– Опять двадцать пять! Так мы не единственная семья, которая пытается решить демографическую проблему? По своему, конечно, но... решаем же! А?

– Я тоже хочу ребёнка! – резко призналась Вика и с тоской посмотрела на Володю, потом на Ларису, словно за разрешением.

Глобальный пригляделся к этой юной особе. Ей лет двадцать с чем-то, как и говорили.

«Самое время, раз желание есть и возможности», – прикинул внутренний голос.

– Уверен, у вас всё получится, – тактично добавил сантех-

ник и поднял за это тост из сока, прикусив сырком.

На вкус неплох, хотя бы потому, что каким должен быть вкус – хрен его знает. И как выглядит заграничный сыр Глобальный тоже не знал. А значит, импортозамещение сыграло на руку.

«Макдональдсы же поменяли. И тут смогут», – добавил внутренний голос.

Володя, вдоволь наслушавшись тишины, дёрнул по струнам и просто запел:

Повстречались как-то раз

депутат и пидорас.

Один за щеку берёт,

Другой законы издаёт.

Оба родине нужны.

Действия их так важны.

Без обоих нам не житьь.

Как работать и дружить?

Градус чтоб понизить в раз,

заявляю без прикрас.

Срок не шейте тётке Зине

Дело было в Украине.

Уточню для всех рабочих

Или «на» её, короче!

С уточнением моментов

*И лишённый сантиментов,
Я скажу без комплиментов:
Дайте людям просто быть.
Жить, работать, говорить!
Охуели что ли в раз
Депутаты, пидорасы?*

*Бизнес, нефть, дровишки, газ,
Уголь, трубы, унитазы.
Всё в Европу путь закрыло,
И вообще пиздой накрыло.
Чумкой пидоры болеют,
Депутаты же добреют.
Сунься – в миг получишь пулю.
Там – своё, и в ус не дуют.*

Лариса резко поднялась и взяла Богатырёва за руку. Глядя прямо в глаза, обратилась:

– Володь, у меня есть отличный психолог. Тебе помогут.

– Помогут, Ларис? – словно сразу не понял он. Но отложив гитару, всё же поднялся. – А кто остальным поможет? Мы в эпицентре урагана, ёбанный в рот! Эту бурю невозможно обойти, невозможно объехать или перепрыгнуть. Её можно только пройти насквозь, двигаясь вперёд шаг за шагом. Мы тут жрём сидим и кайфы ловим. А там не выпускают из рук телефоны. Там столько задач и поисков их решений, что по-

рой кажется, будто телефон можно заряжать пальцами. Это при том, что никому нельзя телефоны! Понимаешь, меня? Нельзя! Опасно. Но хули нам те опасности? Мы с ними одно целом. Мы выполняем задачу вопреки.

– Всё выполняют! – ответила Де Лакрузо. – Все на своих местах!

– Лариса, блядь! – стоял на своём Богатырёв. – Нет времени откладывать. У войны нет выходных, обстрелы ждать не будут. Там всё быстрее. И происходит это прямо сейчас! Это ты понимаешь?

Лариса кисло улыбнулась, как пожилой ангел, что давно устал от людей. В глазах только намокло. И едва заметив это, Богатырёва как молнией прошибло. Он подскочил и пошёл в другую комнату. Споткнулся. Застыл. С трудом поймав равновесие, пошёл снова. Медленно, словно ничего не произошло и тело по-прежнему слушается, как и раньше.

Аппетит у всех тут же пропал. Снова тишина. Но уже не лечит.

Боря вздохнул и поднял гитару товарища. А затем сам запел. Ведь есть песни позитивные, а есть те, что нужны тем, кто прошёл через многое.

Мальчики большие не встанут в ряд.

Ушёл стотысячный отряд.

За честь, свободу и новоросскую погоду.

Чтоб тучи стороной прошли

*Солдаты смело в бой пошли.
И тем, кто не вернулся в строй,
от их семей протяжный вой.
А тем, кто снова в полк идёт
сегодня небо шлёт почёт.
Сияют воинов ордена.
Идёт война, ползёт война.*

Боря сам отложил гитару. Без подсказок. Володя, что застыл в холле на первой же строчке, только сейчас вновь продолжил идти. Заскрипели половицы ламината. Не скрыть тяжёлой поступи.

– Борь... ты общайся с ним, – тихо сказала Лариса за столом. – Ему сейчас это очень нужно.

– Да мы... общаемся, – тихо ответил сантехник.

– Задержись. Не спеши. Просто побудь тут пару дней, если дело терпит. Хорошо? – уточнила она. – Если нужно продать автомобиль прямо сегодня, я сама у тебя его куплю.

– Я понимаю, – кивнул Глобальный, не испытывая какого-то дискомфорта в общении с Богатырёвым и вообще уже не собираясь куда-то спешить.

Просто пока не понимал о чём можно спрашивать, а о чём не стоит. А то ещё ответит в сердцах, выдаст! А ты потом ходи с государственной тайной в долгосрочной памяти как дурак. Сама не выветрится.

«Потом придётся одному спать в ночи. А то не дай бог во

сне разговариваешь!»! – тут же добавил внутренний голос.

И над столом снова тишина повисла.

Глава 3 – В отношении сношений без изменений

Полы грели во всю. При заявленной температуре в 40 градусов на выходе из труб котла, разогреваемого газом, они выдавали 27 градусов по Цельсию в помещении. Судя по термостату, то общие, усреднённые данные по умному дому. Разброс не превышает один-полтора градуса. А при такой температуре дом хоть из кирпича строй, хоть из блоков, хоть из соломы – всё равно тепло будет и даже жарко. В особенности на втором этаже.

Ещё и коньяк разогрел. Так что единственное, что вскоре всем хотелось, это избавиться от лишней одежды. Но держались. При гостях не принято. Разговоры тоже как-то сами собой стихли, так что в основном кушали. И Боря не мог вспомнить, когда в последний раз так сидел и обжирался за столом. Ведь даже на Новый Год с девчонками ограничились парой салатов и по одному основному блюду на каждый день.

«Правда, ещё было семнадцать литров жидкости на троих, что выпили за пару дней, не считая шампанского», – припомнил внутренний голос и тут же уточнил: «Но там был и сок, и минералка, и морсик»!

Вернулся Володя в тельняшке и голубом берете. Присел

молча и словно места себе не находил. Вертелся, крутился. Девушки смотрели на него пристально. Никто не собирался уходить или торопить. Столько месяцев ждали. Куда теперь спешить?

Тогда Богатырёв и понял, что он уже немного не тот, что раньше. Слов за столом найти не может. И в целом – теряет-ся. Стены родного дома жмут. А мир вокруг такой не проч-ный.

«Но ведь я ещё и немного – Тот», – добавил мозг Богаты-рёва: «Надо просто вспомнить, каково это – быть прежним».

Словно стараясь уцепиться за ту нить, что раньше держа-ла их вместе, десантник погладил тельняшку, посчитал по-лоски и сменил тему с военной на мирную. Сам. Без подска-зок. Ровно так, как это двадцать лет подряд делали ветера-ны Великой Отечественной войны за семейным столом, пока День Победы перестал быть просто семейным праздником и стал отмечаться с парадами. А с каждым последующим де-сятилетием лишь набирал обороты, всё меньше передавая потомкам Суть Торжества Над Самим Злом.

– Ребят, а вы знаете, что первыми тельняшки стали носить не русские моряки, а рыбаки из Бретани, – заговорил Вла-димир с лёгкой улыбкой. – Поэтому долгое время их назы-вали «бретанские рубахи». То есть по сути они – француз-ские. Многие думают, что в Россию они перешли из Голлан-дии вместе с преобразованиями Петра Первого. Но это не так. Он как раз взял у голландцев всю форму, кроме тельняшек.

Однако, сами матросы охотно щеголяли в них, считая практичными и универсальными. Так что русские матросы сами решили в чём будут ходить.

– Да? – удивилась Вика. – Интересно. А что означают полоски?

Володя как раз пригубил сок, поэтому Боря взял слово:

– О, я знаю! Шац же – морпех. Он мне чего только не рассказывал.

– Да? – вздёрнула бровку блондинка. – Например?

– Например, твой отец говорил, что чередующиеся бело-синие полоски помогали видеть матроса на фоне парусов любого цвета. Как и в случае падения за борт больше заметен. Практичность у моряков на первом месте.

– Вот именно! – воскликнул Богатырёв. – Но есть различия. Так по французскому стандарту, начиная с 1852 года, тельняшка должна была иметь двадцать одну полосу, по числу крупных побед Наполеона. А вот голландцы и англичане носили тельняшки с дюжиной поперечных полос. По количеству рёбер у человека.

Боря улыбнулся, припоминая и следующее:

– Моряки считали тельняшки оберегом от духов моря. Типа в тельняшках они будут казаться злым духам покойниками, от которых остались одни скелеты. Брать с таких нечего, значит, надо плыть дальше, а моряков надо оставить в покое.

– Погодите, так как тельняшки стали русскими? – зажмурилась Вика, ощущая первое воздействие алкоголя и вместе

с жаром спутанность мыслей. И всё это вместо приятно расслабленности.

Володя посмотрел на Борю. Тот пожал плечами. Некогда читать энциклопедии. Ответа не знает. И Богатырёв перевёл взгляд на блондинку. Порой Вике было выгодно задавать вопросы и смотреть, как люди стараются найти ответы. А сейчас это просто поддерживало беседу за столом. По сути она пыталась привыкнуть к новому виду своего любимого массажиста, который одним из первых отложил бутылёк масла и взял в руки автомат, когда Родина призвала.

– Это уже заслуга адмирала русского флота – Константина Николаевича Романова, – ответил Богатырёв и даже объяснил. – Моряки ему все уши этими тельняшками прожужжали. Тогда он просто решил включить их в новую форму. – Десантник пригубил сока, но Боря снова ничего не добавил. Пришлось отдуваться дальше самому. Пригодился армейский опыт. – Вообще сегодня есть разные расцветки тельняшек. Под разные ведомства. Тёмно-синие достались ВМФ, голубые закреплены за ВДВ, васильковые носит спецназ ФСБ и Президентский полк. Светло-зелёные отрядили пограничным войскам, краповые отошли внутренним войскам МВД, оранжевые использует подразделения МЧС. Курсанты мореходок и «речники» носят тёмно-синие. А чёрные вроде как достались подводникам. Но с ними я лично не встречался.

– И я, – честно добавил Боря, довольный сытым пиром

и приятной расслабленностью. Даже в сон начало клонить. Пойти бы прилечь, сославшись на усталость. Да уходить просто так некрасиво, пока чай не попьют.

«А может и торт подадут»? – с надеждой добавил внутренний голос.

Богатырёв поднял палец и дополнил важное:

– А в 1962 году немецкие исследователи выяснили, что полосы матросской рубахи создают оптическую иллюзию большего количества людей, чем есть на самом деле.

– То есть? – протянула Вика, пытаясь свести одно с другим.

– То есть фраза «нас мало, но мы в тельняшках» имеет ещё и военно-практический смысл, – договорила Лариса, припоминая их сражение у бассейна в Таиланде с бандитами пана Полянского. – Забыла, что ли?

Вика отвернулась, засмуцавшись. Всё-то она помнила. Но там в Таиланде они были такими молодыми и счастливыми, а здесь словно в траурный саван все принарядились. При том, что все живы.

Тут Володя поднялся. И понимая, что с настроениями надо что-то делать, вновь взяв в руку фужер с коньяком, рассказал новый анекдот:

«– Почему Рейган сказал, что он не удивится, если на второй день войны на пороге Белого Дома увидит парней в тельняшках и беретах?

– Да потому, что красивее фонтанов, чем у Белого Дома,

во всем Вашингтоне не сыщешь!»

Боря улыбнулся, Вика хихикнула, Лариса снова погрузилась, а Богатырёв допил залпом, с грохотом поставил посуду. Затем рыкнул, сжав кулак и неожиданно для всех... рухнул под стол.

Все тут же бросились к Богатырёву. Боря первым перевернул товарища, пощупал пульс и убедившись в его наличии, заявил:

– Живу, курилка... Просто напился.

Все на миг замолчали, прислушиваясь к мерному дыханию павшего. Выдав небольшое амбре, Володя вскоре пробурчал. Не открывая глаз, но ответственно плямкая губами, выдал бессвязное:

– Грачи... енот... Герастрат... варенье... монашка... мормышка... ёжик.

Боря попытался не слушать. А то вдруг шифровка? А его спросят, записав мысли с каждого утюга без учёта личного мнения.

Вика же места себе не находила:

– Что ещё за монашка-мормышка? Он что там себе, девушку нашёл?

– Да никого он не нашёл... ты посмотри на него, – добавила грустно Лариса, раздумывая что дальше делать. Дать отлежаться или на диван унести? А может, госпитализировать?

Уже собираясь вызвать скорую, Вика с трудом отложила телефон. Но теперь нарезала круги у стола. Вскоре добавила:

– Он же почти не пил! А в целом пару фужеров всего.

– Ну и мы немного вместе, – добавил Боря. – Чтобы лучше работалось.

– Но бутылка всё равно почти не тронута! – возмутилась блондинка.

Лариса поджала нижнюю губу в алой татуированной подводке, что в очередной раз подчёркивало – изрядно экономит на косметике.

– Да ему сейчас больше и не надо, – заявила она и попробовала приподнять Богатырёва за одну руку, надеясь, что под другую подхвати Боря. – Эх, надо было с супчика начинать! А мы тут наготовили, дуры. Обе две. Ты – тоже!

Вика хмыкнула, сложила руки на груди.

– Раз так, сами его и несите.

Глобальный брат за вторую руку нового приятеля не стал. Просто сразу подхватил подвыпившего подмышки, приподнял, а затем помогая себе коленом, взял товарища на руки и понёс в коридор.

Весил тот всего ничего по сравнению с чугунной батареей на двенадцать секций. И пока одни говорят, что «сам погибай, но товарища выручай», Боря точно знал, что правильно говорить: «сам побеждай, и собрата выручай»!

– Куда его? – только и спросил сантехник.

– Ты один дотащишь? – всё же беспокоилась Лариса, не отступая ни на шаг. Даже пыталась придержать, но всё же не прикасалась ни к одному, ни к другому, чтобы не мешать.

Помогать мужчине, когда не просит – себе дороже. Обидится, как минимум.

– Конечно, – ответил Боря и пошёл вверх по лестнице со сползающей с рук ношей, на ходу добавляя. – Ему там было сложнее.

Пока Володя превращался в желе и пытался слинять с рук, как будто вообще без костей или даже эволюционировать в кота-жидкость, берет сидел на нём как будто приклеенный. Как бы не дёргалась голова, ни на сантиметр не сполз.

«Вот это настрой»! – восхитился внутренний голос.

Периодически перехватывая тело товарища поудобнее, и вновь помогая себе коленом, Боря даже решил было, что десанникам прибывают на голову клёпки. За неё и пристегивается. Но додумать и тем более проверить не дали. Лариса вдруг зашла в комнату и включила свет, скоординировав направление:

– Сюда.

Паркет сменился кавролином. Коридор резко обозначил переход в спальную хозяев. Глобальный едва рот не открыл, когда увидел огромного размера кровать, явно спроектированного по спецзаказу. Если во всём мире самые большие кровати называли «кинг сайз», (и в одной Великобритании это был «президентский размер», чтобы не обижать королеву с королём), то конкретно это лежбище он мог бы назвать «траходромом Кинг-Конга!». Так как размер кровати был примерно два с половиной на два с половиной метра.

Уложив Владимира с края, Боря отступил на шаг. Лариса тут же укрыла Богатырёва огромным одеялом, на наволочке которого можно было при желании спрыгивать с парашюта. Вика прошмыгнула в комнату следом. Легла рядом, не разуваясь. Затем уткнулась носом в плечо Володи и больше ничего не говорила. И так всё ясно.

Оба переглянулись и пошли на выход. Только закрыв дверь, Лариса добавила шёпотом:

– Им надо побыть вдвоём.

Боря не спорил. Но не прочь был спуститься в столовую и доесть говядину в соусе. Немного места осталось. Он даже направился на кухню, чтобы возобновить трапезу, но тут Лариса взяла за руку и повела в гостевую комнату.

«Что-то сейчас будет», – разволновался внутренний голос: «К гадалке не ходи»!

Сердце снова застучало быстрее, но Лариса лишь включила свет в гостевой комнате и присела на край кровати. А затем сложив лицо в ладони, сказала через пальцы:

– Я не трахалась целый год.

– Эм... – выдал сантехник.

Может, случайно сказала?

– Нет, ты выслушай сначала, – добавила хозяйка, подняв голову к нему. – Последний раз было ещё на январских праздниках. Прошлогодних. А затем я честно ждала всё это время, да и желания не было. Но сегодня, когда мы ехали на автовокзал, тело вдруг пробудилось и начало истекать сока-

ми. Я поняла, что ХОЧУ! Понимаешь?

Боря кивнул. Боря понимал.

– Но, когда я увидела в каком он состоянии, всё поникло, – призналась Лариса. – Как отрезало. Во мне скорее выгнали материнские чувства. «Накормить», «отмыть», «спать уложить». Я прекрасно понимаю, что ещё несколько месяцев ничего не будет. Секс просто добьёт его истощённое тело, как едва сейчас не добили пару глотков коньяка. Понимаешь?

Она вперилась взглядом. И несмотря на то, что все брови выщипаны и снова нарисованы как лазером, а губы размечены по контуру татуажем, остальная поверхность лица – приятная. Ничего не весит, не морщинится.

«Разглажено и растянуто, где-то даже надуту», – отметил внутренний голос: «Но без пошлости раздутых губ. Похоже, Лариса Борисовна точно знает меру и как подавать иски на недобросовестных бьюти-мастеров, если доверяла себя им в руки... Но, по-моему, она пытается нам что-то сказать».

Глобальный присел рядом, снова кивнул. Такой бы женщине, конечно, колечко. А то пальцы мёрзнут. Но на колёно перед ней встанет не он. У москвичей свои проблемы, у него в глубинке, свои. А если сделать ход конём и всё это перемешать, то придётся многое бросить на Малой родине. А многие этого не простят.

«Конкретно, многие дела, женщины и даже дети», – с ходу перечислил внутренний голос.

В принципе эта чернявая женщина могла дальше просто промолчать. Но дело в том, что у Ларисы Борисовны не было такого принципа.

Она освободила грудь от верха, чуть откинулась назад и когда мужчина попался на уловку, вперившись в бюстгальтер пятого размера в натяг, уверенно сказала:

– Трахни меня, Боря! – и добавила чуть тише. – В долгу не останусь.

Если до этого и были какие-то шансы на побег или хотя бы тактическое отступление, то следом Лариса поднялась. Вроде только чуть двинула ногами, а платье слетело как будто его порезали на тысячи кусочков.

Проскользив по гладко выбритой, этилированной и лазером расчищенной коже без единой родинки и пятнышка, оно коснулось кавролина. А дама с явным намереньем пройти до конца, осталась лишь в лёгких белых трусиках. И большом лифчике с бирочкой.

«В комплекте наверняка стоят как квартальная зарплата, пока ты ещё работал на дядю», – прикинул внутренний голос.

Секрет успеха Ларисы обозначил себя, едва лифчик упал на пол. Тут-то Глобальный и понял, что с подобного размера грудью по отношению к телу дел ещё не имел. Даже Аглая была как-то попроще и пониже.

«И потолще, чего уж там»? – тут же накинул внутренний голос.

Присмотрелся сантехник, а там сразу пять застёжек по ту сторону спины рядами. Одной рукой не снять. Нужно задействовать обе.

Но Лариса лишь улыбнулась и закинула руки за спину. И сделала это сама, дав свободу груди! А потом приблизилась и погрузила его лицо между двумя холмами.

Они не висели, как уши у кокер-спаниеля. Они были налиты силой и подавались ему навстречу. Но при этом не были шарообразной формы. Что подводило к одному простому выводу.

«Настоящие»! – с восторгом добавил внутренний голос.

Боря обхватил дары женской природы обоими руками по краям, помял, убедившись в их нежности. И с наслаждением втянул запах её кожи. Сколько там парфюмерии, духов, лосьонов, кремов – сам чёрт не разберёт. Но её запах нравился. Вдыхая его полной грудью, сантехник поднялся, вынимая лицо из плена груди и обхватил её за талию. А затем руки спустились ниже.

«Мать моя женщина! Задница упругая»! – восхитился внутренний голос, пока пальцы гладили и немного мяли аппетитные булочки.

В такой момент ничуть не пожалела, что не стал доедать. Тут же сразу – десерт. А там ясно, что не одна сотня приседаний в неделю. Если не пробежка следом хотя бы на беговой дорожке. И подъём по лестнице без лифта при всяком удобном случае.

И зад такой, что не только упруг, но обе руки захватил. Вроде не большой, но и не маленький. А прямо как по размеру.

«И подержаться за такую жопку – приятно», – отметил внутренний голос, пока пальцы уверенно потянули трусики за края вниз.

Вроде небольшие трусики должны были проскользнуть по ногам, как и платье, без проблем с трением. Всё-таки ажурное бельё не терпит широких резинок и делает больше упор на элегантность. Но что-то их затормозило. Боря скосил глаза вниз, а там – мокрота.

«Прилипли», – подтвердил внутренний голос.

Желание Ларисы оказалось таким неприкрытым, что она рыкнула и впиалась губам и в его губы, пока трусы были отпавлены с одной ноги в длительный полёт, как использованный платок от сопливого больного.

От страстного поцелуя Боре едва пробки не выбило. Те, что раньше отвечали за покой внутренних предохранителей. Страсти в Ларисе было столько, что фору могла дать многим молодухам. Те все сплошь неопытные брёвна по сравнению с ней, а она – изделие обточенное, обструганное. Но что более важно, подогнуто под размер достойного Буратино.

Кстати, о нём... Глаза Ларисы заметно округлились, когда сантехник коснулся её своим желанием. Руки жаждущей девы тут же потянули вниз шорты, сама присела на колени, а когда перед глазами показался пока самый важный инстру-

мент в жизни молодого сантехника, Де Лакрузо даже рот приоткрыла.

– Нихуя себе! Вот это понимаю – дождалась!

Рот без тени сомнения впился с самого краешка. Затем открылся пошире. Глобальному невольно снова пришлось присесть на край кровати, так как словно пылесос включили. И от всех ощущений ноги сработали на рефлексе.

Лариса давила какие-то точки на головке, как умелый мастер акупунктуры. У него то пресс тянуло, то мышцы сводило от паха до колен. А больше всего этим действиям было радо сердце. Оно с ходу накачало максимум крови в отросток, что от присутствия знойной дамы быстро превратился в дубину.

Глядя на это дело, Лариса потрогала себя рукой между ног и едва не зашла на фальстарт. Эмоций было столько, что первый оргазм пронесся в голове.

Но решив исправиться по ходу, она тут же взобралась на кровать, перекинула ногу и начала пристраиваться, чтобы взять уже своё как следует.

Сердце Де Лакрузо стучало уже в горле. От безудержного желания сносило крышу. Она давно была не в том возрасте, чтобы кивать на вино, «что вскружило голову». Лариса просто хотела секса и получит его прямо сейчас!

– Блядь... блядь... Щас порвусь надвое... – залепетала Лариса тихо, ткнувшись сначала в головку, затем жадно насадившись на край.

И только после этого остановилась, немного подышала и попыталась расслабиться, насаживаясь всё глубже и глубже. Бёдра уже не спешили, а давно не работающие внутренние мышцы на грани между болью и желанием вдруг начали растягиваться, открывая давно забытое. Или даже новые горизонты.

– Прости, – прошептала она на ухо, покрывая поцелуями его шею в знак всепрощения, – Давно не было. Мне... нужно... время.

Боря как раз никуда не спешил. Его вполне устраивало валяться на спине на крае кровати, опустив ноги с того края, согнув колени.

«Так можно упереться пятками в пол и поддать газу, устроив прогиб», – подсказал внутренний голос.

Но скорости не требовали. Напротив, просили подождать. И Глобальный переключился на грудь, используя обе свободные руки. Он походил на кота, что дорвался до золотинки и теперь со всех сторон её исследовал своими лапками.

В распоряжении сантехника было несколько килограмм мягкой податливой плоти с забавно торчащими сосками и тёмными ареолами вокруг. А вокруг напряглось и поднялись даже самые ленивые микро-волоски. Те, что обычно не видно, бесцветные, но их можно ощутить, если никуда не спешить и просто водить подушечкой пальцев по коже туда-сюда, пока женщина старается нагнать и наверстать упущенное.

– Тихо, Ларис. Не торопись. Я... никуда не денусь.

– Хорошо, – прозвучало вдруг с толикой благодарности в голосе.

У Бори были пышные дамы в меню рациона познающего самца. Были и с выдающейся грудью, как у Леси или Снежаны. Но Лариса Борисовна побеждала предыдущих конкуренток с полтычка. И едва он успевал подумать о лишнем, как насаживалась всё глубже, Лариса отвоевывала у тела ещё пару миллиметров внутреннего пространства. Для большего удовольствия обоих.

Несколько минут спустя, когда голодная дама освоилась. Движения её стали медлительны, но глубоки. На грани разрыва и потери сознания, (а также безмерного удовольствия), она вдруг поняла, что заполнили всю емкость.

«Первый же залп попадёт не иначе, как в матку», – подумала Лариса: «Потому что такое средство доставки сработать иначе просто и не сможет».

От осознания того, что достигла своего физического предела, Де Лакрузо ощутила, как в глазах мельтешит. Следом её накрыло теплом внизу. Мышцы попытались сжаться в конвульсиях. Но не могли. Им явно что-то мешало. Тогда следом им оставалось лишь расслабиться.

И от этих ощущений дама замерла. И открыв рот, не могла выдавить из себя ни звука. Лишь глаза говорили о многом. Там и искра, и удивление. Так же не требование, но просьба «дать доиграть самой».

Боря не двигался, глядя как у женщины перехватило ды-

хание. По стволу стекал сок её желания, изрядно намочив «корни». Следом прорезался тоненький голосок вперемешку с матами, комплиментами и восторгом в отдельных словах-паразитах.

– Это ж... как же ж... да я ж... бляха-муха, вот это размерчик. А я думала, что неандертальцы вымерли. Один выжил, выходит! – лепетала она, улетая на его ракете в космос.

Полёт долго отражался в её глазах, пока дрожью пробрало тело. В какой-то момент свет в её глазах просто потух, словно приземлилась и закончилось топливо.

– Я... я... – пыталась донести она свою мысль, но не могла в данный момент сформулировать чётко ничего.

Дождавшись своей очереди, Боря даль понять, что это его уже не устраивало. Он просто начал немного подрабатывать бёдрами и гладить попу.

Это сработало как новая команда: «ключ на старт!».

– Боря-я-я!!!

Лариса вдруг застонала, не сдерживаясь. Сжала одеяло в кулачках, словно пытаясь ногтями пырнуть наволочку. А затем сама начала микродвижения навстречу. Как оказалось, она ещё что-то может добавить, нарастить. Может же?

Но тело быстро ответила – нет.

Кайф на грани. И следующий оргазм был на порядок сильнее. Внизу даже больно кольнуло. Испугавшись, что сейчас её действительно порвёт надвое и уже ни один хирург не зашьёт, но вся больница будет знать о её приятной и позорной

тайге, Лариса подскочила, срываясь с копыя.

И вдруг случилось неожиданное. Она выстрелила смазкой! Во всяком случае, именно так ей показалось на первый взгляд. Внутри за год словно накопилось так много жидкости, что превратилась в струю.

А затем ещё залп. И ещё!

«А вот и естественный сквирт», – промелькнуло в чернявой голове долгожданное определение.

Лариса опустила взгляд вниз и рукой рот прикрыла. Сам уже не закрывался. А молодой человек возлежал под ней в какой-то бесцветной жидкости от шеи до лба и... смеялся.

– Что ж, похоже теперь с напором струи в этом доме полный порядок, – добавил сантехник, вытираясь краем одеяла.

Тут-то Лариса и поверила, что ЭТО произошло.

Подобное вроде как случалась с ней раньше. Не даром же долгое время был особый массажист под рукой. Но в меньших масштабах, искусственно и вызвано пальцами.

«И тем более – не ТАК!»! – подчеркнуло в голове.

Даму ещё накрывало волнами. Живот ходил ходуном, мышцы дёргало. Но она уже сама пыталась краем одеяла вытереть лицо мега-любовнику. Ещё и покраснела как девчонка.

Было так неловко!

– Борь... прости... Боря!

– Да ладно, всё нормально, – ответил он и вновь улыбнувшись, перехватил инициативу.

Сантехник подхватил её за бёдра и резко перевернул. А едва оказался сверху, как уже сам мог регулировать глубину погружения. Решение уравнения было простым – не заходить далеко.

Тогда и только тогда можно было добавить скорости.

Приступая к решению этого вопроса следом, Глобальный сыскал немало уважения в глазах женщины. Уже не босса, но подчинённой. Ведь в таком случае можно было лишь отдаться в его власть. А там пусть творит что хочет. Если умрёт в процессе, ничего страшного. Лучше уже не будет.

Как и много лет назад на заре покорения столицы, Лариса в кой-то веки полностью расслабилась. Она покорилась и доверила себя в руки мужчины, который точно знал, что делать. Это было уже не так феерично и погранично, но это точно было хорошо, долго и обстоятельно. А едва она начала привыкать, как Боря вновь вошёл на всю глубину и коснулся её внутренней красной кнопки.

– Да твою ж ма-а-ать! – крикнула она, словив радужных зайчиков в глазах.

Но вместо того, чтобы отбросить его или закричать «не в меня!», лишь без всяких сомнений обхватила его спину, прижалась плотно-плотно и замерла, ощущая уже новый этап наполнения.

Тогда-то Лариса и решила для себя, что навсегда избавится от всех своих игрушек. А Сибирь, судя по ощущениям, не так уж и далеко от столицы.

Было бы желание.

Глава 4 – Залётные

Оба вернулись на кухню в ночи. Лариса включила свет. Он немного сонный, а она в халате и с блеском в глазах, что остался от внутреннего пожара. Такой уже не горит. Просто искры, но приятно. А дым из одного места словно развеяло кондиционированием.

«Кому надо, тот увидел. Остальные не спялят», – отметил внутренний голос сантехника и Боря улыбнулся, мятый, как туалетная бумага. Если присмотреться пристально, то даже немного использованный, но довольный.

Теперь в дороге проще будет. Ничего не отвлекает. Вот с утра прямо и поедет. Ничего не топорщится, проезжая рядом с девушками на обочине, не давит со дна и не распирает изнутри. Он свободен, просветлён и перезагружен. А на стоящих вдоль трасс красоток можно снова смотреть с осуждением.

Ибо теплее надо одеваться!

«Зима всё-таки, а они оголяются», – одновременно восхищался и порицал внутренний голос, когда пялились на дорогу, а не на сиськи в облаках, пока стояли на перекрёстках и переездах.

Но он пока не в дороге! Значит, от жизни можно брать немного больше. И Глобальный подхватив нож, уже без стес-

нения принялся за остывшую говядину. Отрезал только не тонкий ломтик, а сразу кусок с палец, которым можно дать леща. А сверху полил горчицей и аджикой, чтобы пробрало до пяток. Подумав, добавил кетчуп, проигнорировав как перчики на рисунке, так и иероглифы на тайском.

– Борь, тебя порвёт, – предупредила Лариса. – Он очень острый. Прямо... очень!

– Да я гвоздь могу переварить! – отмахнулся сантехник. – Я, когда в гараже жил, только горчицу и хлеб ел одно время. Так что за меня не переживай.

– Ну смотри, – пригрозила она одними глазами.

Те такие блядско-непосредственные. Как у женщины, что многое повидала, но ещё на многое способна. И многое заочно простит.

Первый кусок не пошёл, а провалился, восполняя потери в калориях. Второй гость распробовал неспешно, жевал со вкусом. Затем что-то пошло не так и слёзы брызнули из глаз. И резко захотелось вывернуться наизнанку. Вернуть всё как было.

– Ого!

Вместо стакана пришлось подхватить сразу графин с морсом. Пил Боря залпом. Плакал и пил. Пил и плакал. Порой немного дышал.

А вот выдохать пришлось как раз много, в основном изображая дракона.

«Так вот откуда потом на мусорке унитаза с пробойнами

появляются!»! – припомнил внутренний голос.

– Твою ж мать! А-а-а! Сейчас сдохну! – признался сантехник, ранее не знакомый с прямыми поставками острого соуса из «королевства слонов».

– Я предупреждала, – чуть улыбнулась она и слегка пожуривала. – Меня надо слушать.

Ларису отпустило в моральном плане, рассмеялась над ужимками. А сама взялась за банан. Не столько из-за голода, сколько по привычке.

«Всё-таки к хорошему быстро привыкают», – ещё подумала Де Лакрузо.

Тем временем попытки замахать руками проявление капсаицина на языке сантехника окончательно провалились. И дева, поедая банан, сама смеялась до слёз. Перед ней был уже не умелый герой-любовник, а немного повзрослевший пацан, в котором каким-то чудом выжил ребёнок. Будь им обоим по шесть-семь, такой смог бы ради неё отпиздить крапиву или выёбываться на велике без рук до первого падения. А потом она отвела бы его домой и сдала маме. Его бы ещё и наругали.

А лет в восемь-девять он мог впервые за неё подрагаться с пацаном постарше. Конечно, проиграть. Но она бы оценила его геройский поступок и впервые поцеловала в щёку. В тот момент, когда размазывал бы слёзы по щекам или стирал подорожником кровь со скулы.

Если прибавить ещё пару лет к тому возрасту, то его будет

осуждать математичка за поведение, так как будет кидать ей записочки со всяким. А училка русского языка говорить, что из него ничего не выйдет, когда прочитает примерный текст. Ровно так, как говорили в школе ей, когда впервые призналась в чувствах к мальчику, но была высмеяна перед всем классом, написав «давай сосаца» в первом пылком предложении в жизни.

А вот если бы они встретились в институте, то переспали бы на первой же вписке, а потом стерли номера, заблокировали друг друга и делали вид, что ничего не произошло, когда встречались бы в коридоре или у дверей кабинета. Но ровно до следующей пьянки-гулянки.

Однажды они обязательно признались бы друг другу, что по жизни надо идти вместе и начали бы играть в семью. А потом постепенно понимать в чём была суть игры и начинать жить в семью.

И столько всего пронеслось перед глазами Ларисы в моменте, что сердце щемануло. И слеза потекла уже не от смеха.

Вот почему он не встретился ей раньше? И почему он не старше хотя бы лет на десять?

Однако, жизнь распорядилась так, что он родился позже. Намного позже. И если она помнила наизусть все песни Пугачёвой (хоть со временем и возненавидела их), то он наверняка слушает рэп и зачем-то говорит «йоу».

Единственное, что их может связывать, это осуждение

Горбачёва. Но на том свете уже не пнуть пятнистого.

«Сбежал он народного гнева», – вздохнула Лариса, доедая банан: «Наверняка, Ленин со Сталиным и так неплохо его встретили. И на месте новых пятен растут уже новые рога. В новой жизни Мишка родится в лучшем случае с залупой на голове. А Ельцин точно будет улиткой. Это пожелание от миллионов загубленных душ... Но что-то меня начинает не туда заносить. К чему сожаления о прошлом и мечты о будущем, когда надо здесь лишь этим моментом? Здесь и сейчас».

Вернув мыслительный процесс, Лариса уже собиралась отправиться в холодильник за молоком, как послышался шум входной двери.

Прислушалась. Гостей не ждала.

Затем раздался бег множества ног в ботинках. Сердце дрогнуло. Они точно знали, куда бежать.

Звук приближался. Метнувшись к телефону, успела лишь набрать одно короткое сообщение, не забыв на памяти рефлексов и про приобретённую грамотность с первого публичного порицания в школе.

«Спасай, Буря».

Когда Боря перестал махать руками и уже сам прислушался к посторонним звукам, на кухню ворвались трое мужиков в балаклавах и с пистолетами наперевес.

Они начали требовать много и сразу. Кричать все вместе: – На пол, блядь!

– Руки в гору!

– Цапки на стол!

Лариса стянула губы в линию. Повадками напоминают Быка, Вялого и Качка.

«Но Серёга Прогресс сидит в тайской тюрьме и братия его давно не при делах. В руках не автоматы, значит, не силовики. Требования противоречивы, значит, не Мендель послал. Нет единого командования», – помельтешила аналитика в чернявой голове: «А что ещё? Стволы с улицы, номера спилены. Четвёртый, наверняка, в машине, за рулём. Не пешком же бежали от ворот до участка по улице».

На диком расслабоне, но подкинув адреналина в кровь, Лариса мыслила кристально ясно. Как будто в отпуске побывала. И если бы её прямо сейчас расстреляли, ничуть бы не удивилась. Это было логичным завершением недели.

«А кто тогда? Пан Полянский? Старая гвардия? Как они вообще пробрались в закрытый посёлок»? – хороводом пронеслось в голове Де Лакрузо, как и мысль, что с кухни до тревожной кнопки охраны в кабинете на втором этаже не добраться. Вроде как зря с сигнализации дом сняла. И так за общую в посёлке платила. И камер везде одно время навешала. Но всё без толку, когда застают врасплох.

В халате вещей с собой кроме телефона ничего нет. Всё управление на нём. Но степеней защиты в гаджете столько, что брать налётчику его без толку, если не отрубить ей палец или не вытащить глаз. И то – найдёт его потом. Вычислит по

этому же устройству.

Но налётчики точно знали, что делают. Так как один из молодчиков сунул ей телефон под нос и достал бумажку из кармана, рывкнув:

– Переводи сюда, сука! На этот счёт! Кидай всё, что есть!

«Подготовились», – прикинула Лариса, не выпуская из рук телефон и начиная заходить во второстепенные приложения банков и медлить с переводами.

Затем путать цифры, как и положено растерянной женщине на стрессе. Мысли продолжили шагать уже строем «сейчас «мулу» улетит сумма, затем перекинут дальше, и всё, не найдёт полиция переводов. Растворятся в офшорах».

– Быстрее, блядь! – подстегнул молодой голос, словно не всё у них на мази и фактор времени играет какую-то роль в ночи.

Ей бы Эдуарду Николаевичу первой писать, так ведь отказала в свадьбе, обиделся. А нового покровителя ещё не нашла. Сама себе давно покровитель. Не тот статус, вроде как.

– Быстрее!!!

Следом пощёчина. Бах!

Не больно, лишь ускоряет мысли. Но Лариса вдруг понялся, не расслышала акцента. Значит, не поляки. Местные? Из Москвы? Это объясняло бы наглость и осведомлённость.

Боря меж тем выложил из шорт телефон и ключи с меткой. Броский брелок Ламборджини зацепился за глаза залётным бандитам.

– Охереть! Это от того внедорожника на улице! – добавил один из них, мигом сунув его в карман жилетки. – Я на улице. Проверю.

– Зачем?

– Пересажу Гигу. На нём поедем! Он же десятки миллионов стоит!

– Так спалят его!

– Завали! – ответил «коллега» и растворился в тёмном коридоре.

«Либо играют на публику, либо Борю действительно не вели», – нашла время на дальнейшую аналитику Лариса, вынужденно опустошив небольшой счёт с «электронными значками» за это время. Если спешат, больше требовать не будут: «По дому же рыскать не стали. Насчёт сейфов не спрашивают. Золото и драгоценности двое оставшихся достать не просят. Нет среди них «медвежатников» и домушников? Значит, молодёжь»!

– Чего так мало? Ещё переводи! – возмутился лишь одному счёту один из налётчиков, сверяясь с цифрами уже на своём гаджете. – Я знаю, что у тебя этих денег куры не клюют!

Он знал, что делать. Давил, доил. И Лариса вдруг поняла, что их не четверо. Пятеро. Один охранником на посту дежурным сидел. Он и пустил в ночи в посёлок. В лучшем случае чоповца повязали. В худшем – пустили в расход.

«Что мог сделать подсадной охранник, который наверня-

ка не один месяц потратил на то, чтобы изучить посёлок»? – снова подумала Лариса: «Охрану точно не вызвал. Ещё и блокировал или опроверг вызов. Риск, стоимостью в десятки миллионов, оправдан. А камеры на улицах сейчас отключены. Элитный посёлок вдруг ослеп и каждый проживающий в нём VIP-персонал пока понятия не имеет, что происходит в доме за высоким забором. А потом они просто уедут на своей или краденой машине», – поняла Лариса и уже хотела надавить на кнопку «принять».

Но Боря допустил ошибку. Едва Ларисе прилетела пощёчина, он дёрнулся и получил под дых. А когда поднялся, с такой ненавистью в глазах смотрел на тех, кто забрал брелок от автомобиля, что нервы не выдержали.

– Чего пялишься, ублюдок?! – рявкнул один из налётчиков и Глобальному резко прилетело в челюсть сбоку. С кулака. Попали что надо.

«Хотя бы один бить умеет», – подытожила Лариса, глядя как сантехник отключился.

– Я тебе глаза за него выколю, – пообещала она тут же. И не став опустошать даже второй счёт, просто со всей дури разбила телефон о кафель.

Выживет – всё восстановит.

С деньгами это не сложно. Сложнее жить без денег, если опустеют все счета. Если охранник на входе убит, это уже криминал, кровь. Такие люди уже не остановятся. Но если всё же охранник связан или свой, «подсадной», то обойдутся

угрозами и синяками.

«Так меньше срок», – прекрасно понимала Де Лакрузо, понабравшись опыта в криминальном мире ещё будучи Мендель. Фамилия от первого и единственного мужа, оставшегося со временем не у дел.

– Сука! – рявкнул тот, что вручил бумажку и ударил её уже как следует, отчего Лариса отлетела на стул и рухнула на пол, ударившись о стул.

– Пидорасы! – прозвучало из-за угла.

И на кухне появилась озлобленная тень в тельняшке. Никто в этот момент не ожидал появления новых лиц. Богатырёв в носках и без обуви, за криками и разборками подобрался бесшумно. А когда Ларису ударили, просто выпрыгнул из-за угла и начал убивать на рефлексх. Понять и со временем даже принять крики на первом этаже можно, сославшись на плохую форму, а вот видеть женщину, которая тебе не безразлична с разбитой в кровь губой на полу – нет.

Это выше мужских сил.

И пусть силы в нём было гораздо меньше, чем раньше. Но гнев их умножил, а навык окопного боя сработал на автомате. Остро сожалея, что нет сапёрной лопатки или привычного приклада АК-74М, Владимир начал последовательно обрабатывать обоих налётчиков.

Сначала в сторону полетели пистолеты. Без них они менее опасны.

Затем лицо в балаклаве встретилось со столешницей. А

когда десантник подхватил стул и разбил его о грудак второго налётчика, разломанные палки в руках начали творить чудеса боевых искусств.

Разбив стулья о головы, Володя продолжал бить в грудь и пинать, бил в живот, вцеплялся пальцами в лицо, хватал за шею. А когда палки разлетелись вдребезги не стеснялся применять колени и локти.

По жилам в этот момент текла лава, сердце не чуял. Лишь первостепенное желание спасти, защитить и покарать обидчиков завладело сознанием. Люди называют это «состоянием аффекта», тогда как сам Богатырёв называл это «ну и хули теперь думать?».

Остановился он лишь когда оба налётчика валялись на полу. Без балаклав и с разбитыми лицами. Десантник очень надеялся, что сломал хотя бы пару рёбер. Но пока видел на полу лишь крошево зубов. Один зуб выглядел вполне целым. И засмотревшись на него, Богатырёв остановился.

Тут-то о себе и дало знать сердце. Дыхания стало не хватать. В глазах темнеть. Володя свалился на колени, держась за грудак. И дышал тяжело, с хрипами. Кислород словно не желал проникать внутрь. Так и свалился на пол, затих в бессознанке.

Вика зашла на кухню следом, в ночнушке и тапочках. Расцветка розовой пони на её ночном наряде совсем не подходила картине разгромленной кухни: разбитые стулья, разбросанные блюда со стола, под сползшей скатертью дёргалась

нога в штанах цвета хаки. А в углу прислонился к стене с разбитой плиткой головой один из неизвестных ей парней со свёрнутой балаклавой.

Но всё это было мелочью по сравнению с тем, что творилось с её близкими! Так Лариса щупала лицо, размазывая кровь по губе вместе с недоеденной Борей помадой. А Володя валялся на полу и был бледен как праздничная скатерть. Гость же валялся со свёрнутой набекрень челюстью. И это было так дико наблюдать, что некоторые части тела на лице могут буквально торчать.

Неестественно и жутко!

Блондинка бросилась к Володе, не зная, что первым делом. Бежать ли за телефоном или закрыть распахнутую настежь дверь в холле?

Снова послышались шаги. На свет прибежал суровый и седой как лунь генерал Борис Тоненьких с позывным «Буря». Хотя его друг Лёва, действенный майор на службе Отечества, предпочитал называть его Буревестником. Но то полное прозвище, когда есть время поговорить, а не приходится орать в рацию как можно короче.

Пока Буря щупал пальцем пульс десантнику и вызывал скорую, Лёва спросил у Вики:

– На чём они приехали?

Его люди уже убедились, что в помещении больше никого. Но теперь предстояло догнать и задержать.

– Я не знаю, – призналась Вика, которая планировала про-

сто поспать рядом с любимым. И иначе провести первую спокойную ночь за последний год.

Спецназ ворвался в посёлок с поднятым шлагбаумом на микроавтобусе и с ходу заметил брошенную у забора синюю «девятку» без номеров. Но средство доставки не могло быть средством отступления. Не пешком же уходили.

– Что стояло во дворе? – следом спросил более опытный Буря.

– Ламборджини. Жёлтый внедорожник, – вспомнила Лопырёва автомобиль, который привёз их с автовокзала.

Следом Буря начал поднимать Ларису, которая от боли и возмущения не могла сказать и слова. Лишь слёзы говорили многое. Ей было плохо, она просила о помощи одним своим видом. А своих семейство Тоненьких не бросает.

И Лёва получил от Бури простой наказ:

– Догнать и покарать!

Майор понял без слов. И спецназ, спеленав обезвреженных в наручники, лихо отправился в погоню за теми, кому удалось уйти.

По пути рация запрашивала подмогу. Сигнал разошёлся по Подмосковию. И вскоре всем постам было велено перекрыть ближайшие трассы.

* * *

Меньше всего в эту ночь на подмосковном посту ДПС

обещал жене геройствовать капитан Андрей Сергеев. Его более молодой коллега – Владимир Колокольцев, зевая, писал отчёт. И на героя мог походить только хрипотцой в голосе. Но то не от обилия тестостерона, а от степени прокуренности.

Подспудно Сергеев ждал, что рано или поздно коллегу должна была забраковать бабушка на флюорографии. Тогда как самому мешал лишний вес. Однажды просто не хватит очередной дырочки на ремне. А без штанов он просто не сможет попасть на работу ни в метро, ни на такси, ни даже на личном автомобиле.

Когда включилась рация, оба мечтали лишь о кофе с булочками с корицей. Однако, приказ был неожиданно строгим.

– Внимание, всем постам. Жёлтый Ламборджини Урус. Номер неизвестен. Перехватить любой ценой! Повторяю. Перехватить любой ценой!

Конечно, никаких цепей и прочих противотанковых ежей на посту ДПС давно не было. И быть не могло после сокращения штата. Не выдавали гранатомётов, не снабжали минами. Пока по Москве и Московской области множились камеры, что «оказались эффективней полка ДПС» по отчётам, в кобуре лейтенанта Колокольцева вместе с пустым пистолетом прятался лишь использованный пакетик от завертона. А капитан Сергеев даже в страшном сне не представлял себе, что придётся доставать патроны из сейфа в ночную смену и

дрожащими пальцами загонять их в пустую обойму и автоматный рожок без предварительной расписки.

Примерно пятнадцать лет назад на каждом въезде в каждый город стоял стационарный пост ДПС и там всегда было по пять-шесть сотрудников, которые проверяли документы, выписывали штрафы, поддерживали друг друга, а иногда даже забирали автомобили на штрафные стоянки вместо банальных штрафов с квитками. Но потом модернизация 2009 году внесла коррективы, и последующая цифровизация под эгидой реформы взяла своё, практически не оставив постов. А те, что остались, были порезаны как в штате, так и в оснащении. В том числе и в Москве.

Но приказ есть приказ. И вогнав по обойме в Макаров и укороченный Калашников, оба решительно отправились к трассе. Подмогу им в этот момент вместо коллег составляли лишь полосатые палки на бедре. Увы, бесполезные в таких случаях.

Невольно умывая лицо холодным дождём и щурясь ветру, оба всматривались в тёмную трассу. Фонари работали исправно, но непогода влияла на видимость. А за фурами вообще не видно ни зги. Но те ехали и ехали, чтобы поскорее проскочить обычно битком забитый днём участок.

– Может, доставку с кофе заказать? – не мог не спросить Колокольцев, так как обсуждение еды, (тем более горячей), всегда подбадривало капитана.

Но на этот раз он был сосредоточен, как коршун перед

рывком на добычу. И едва в зоне видимости в потоке мелькнуло жёлтое пятно, сначала дёрнул палочку с пояса, махнул в сторону приближающегося автомобиля. А когда тот даже не подумал скидывать скорость или делать попытку остановки, сотрудник резко рванул автомат через плечо.

Лейтенант ощутил в этот момент две вещи. Гордость за коллегу и мощный стояк. С первой же очередью автомата адреналин так саданул ему в сердце, что кровь стала водой. Выхватив пистолет из кобуры, (пакетик отправился в урну чуть ранее), Колокольцев вдруг тоже принялся палить по колёсам.

Пули пробили переднее правое колесо и буквально разорвали заднее правое. Автомобиль на скорости дёрнулся. И водитель дёргал руль что-то крича, пока не влетел в ограждение, высекая корпусом серию искр.

– Штурмуем! – закричал ещё до того, как подбежал к автомобилю Сергеев.

Чисто на эмоциях, как будто рыцарь брал стену замка, взбираясь по лестнице.

Затем дёрнул дверь на себя. Она оказалась закрытой. Треснув прикладом по стеклу пару раз без сомнения. И разбив его вдребезги, он буквально вырвал пальцами плёнку с осколками и начал щупать замок. Но на курсах повышения квалификации почему-то не учили, где расположен замок от двери у элитных внедорожников.

Пока коллега внедрялся в салон, лейтенант Колокольцев

выцеливал пистолетом водителя и пассажира на переднем сиденье.

– Руки вверх! И из машины быстро! – рывкнул Колокольцев следом и добавил очевидное. – Вы арестованы!

Сидящий за рулём бородастый мужик с сиськами только в бешенстве треснул по рулю, крикнув:

– Чёртова Лариса!

Сотрудникам ДПС он был не знаком. Но ранее в безоблачном мире обширных социальных сетей он жил неплохо. И на часть мира был известен как трансгендер Диадема.

Однако, новый мир оказался жесток к «трансформеру». Пришлось крутиться. Да только заработать на ликвидацию груди так и не удавалось. «Обратный переход» сначала забуксовал. А теперь окончательно застопорился. И глядя на автомат в руках сотрудника, Диадема понял, что всё пропало.

Глава 5 – Покер-фейс

Очнулся Борис Глобальный в кабинете интенсивным с верхним освещением. Был он в майке и шортах. Светило, как днём. Длинные лампы били в глаза прямыми лучами света. Хотя бы потому, что крышку кто-то снял, а назад не вернул. Что происходит? За окном фонари светят, не видно звёзд. В столице сложно отыскать участка без светового загрязнения. Но как его угораздило вляпаться в столичные неприятности?

Глобальный вдруг понял, что валяется на кушетке с подкладкой. А вокруг стены в светлой плитке. Такие проще мыть, оттирать кровь и различные жидкости организма. Если не считать швов. Но их тоже моют по генеральным дням. Так что всё блестит и сияет.

«Значит, нас вверили в руки медицины», – пришёл к первому выводу внутренний голос: «А вон и тапочки рядом с кушеткой стоят. Слава богу, чёрные».

Сантехник же приподнялся. От напряжения отдало в челюсть. Поморщился, пощупал.

«Мама родная»! – возмутился внутренний голос, не привыкнув к тому, что рот есть где-то отдельно от остального черепа.

Челюсть всё ещё была набекрень! А со рта капала слюнка, как будто изображал бульдога. Даже в ухо немного затекло,

пока валялся.

Пациент тут же оглянулся в поисках платочка или салфетки.

Неудобно всё-таки!

Рядом стол и ширма, виднеется раковина. Это была не палата. И не реанимация. Просто смотровой кабинет. В пользу этого сказало то, что в него вошёл доктор в белом халате.

Он же с ходу заявил:

– Очнулся? Хорошо. Сейчас челюсть будем вправлять.

– Заэбись, – обронил Боря, о чём тут же пожалел.

Рот говорил не то, что от него ожидали. А слюна текла, как будто умственно недополучил по жизни.

– На, вытри, – сжалился доктор и протянул пачку салфеток со стола, а сам вымыл тщательно руки. И уже готов был приступить к процедуре, но следом в его кармане зазвонил телефон. И травматолог добавил через плечо, выходя в коридор. – Сейчас, минуточку. Морально пока готовься.

Едва Боря вытер рот, и снова пощупал подраспухшую челюсть, как зазвонил уже свой телефон. Оказалось, он валялся рядом с ним на кушетке. В отличие от документов, бумажника и прочего, что осталось в коттедже или автомобиле.

«Хотя бы с телефоном доставили», – прикинул внутренний голос, пока свой телефон запиликал хитом рыжего брата.

Собственно, Новокуров и звонил. Так как на всех других стояла другая мелодия из стандартной полифонии.

– Боря, здорова.

– Заова, – ответил человек со свёрнутой челюстью, стараясь её не двигать в приоткрытом состоянии, но выдавать схожие по фонетике звуки.

Вместо продолжения разговора Новокуров сразу выдал куплет на разрыв души:

Лань, татары, мел, кевлар

Творчеством всех заебал.

А не буду больше петь –

В каверах погрязну ведь!

– Зопа, – покачал головой Боря и поморщился. – Не нана.

– Я тут знаешь чего подумал, брат? – выдохнул Рома, очевидно, откладывая гитару и решив сделать перерыв с утра пораньше. – Женюсь!

– А? – добавил Глобальный, так как этот звук давался лучше всего.

Жаль, им нельзя бить по голове людей на расстоянии. Или хотя бы осуждать.

– А что? Песен у меня не выходит, – прикинул рыжий аналитик, который недавно убеждал вложиться в биткоины, играя в сегу.

До этого он предлагал скупать карточки с американскими бейсболистами и потом продавать их в рассрочку, чтобы накопить уже на приставку поинтереснее. А вот контракты с

музыкальной группой Рому не заботили, судя по творческим потугам.

– Так что буду воевать на любовном фронте до призыва, – продолжил брат. – К соседке вниз пойду на палку чая. У Оксаны из вентиляции так призывно блинчиками с утра пахнет. Хотя бы сыт буду. А мамка что? Даже борща лишний раз не сварит! Зачем я вообще сюда приехал? Бухали бы с пацанами, сидели на измене. Но вместе, как группа. Так что уже одеваюсь.

«Судьба Леси Васильковой его, похоже, больше не заботит», – отметил также внутренний голос. Что-то подсказывало Боре, что брат идёт по кругу. Вокруг четыре миллиарда женщин, а он ищет тех, кто попроще: «Ну или дело в блинах».

– Нье зумай, – добавил Боря, остро сожалея, что не получается толком букву «в» произнести, а ещё «м» и серию других, так нужных в разговоре. В основном, согласных.

– Чего? – не понял Рома. – Связь какая-то хреновая.

– Наманая.

– Ты что, пьяный? – тут же поинтересовался брат.

– Ебао бо-бо, – ответил Боря, импровизируя на ходу.

С короткими словами было проще совладать. А вот дееспричастные обороты сейчас точно не в ходу. И именно про такие случаи надо говорить – «будь попроще и к тебе люди потянутся».

– Боря, какие ещё «ё-бо-бо»? – не понял рыжий жаворо-

нок, что решил податься в любовники с утра пораньше. – Ты что, в детство впал?

– Хо бы ховолил, – ответил Боря и поморщился.

Даже слезинка потекла ненароком, как от возможного вида счета за стоматологические услуги, если ещё и зуб-другой враги выбили.

Отсюда не видно. А язык впервые не дотягивает.

– Боря, не бухай с утра-то! – даже возмутился Новокуров. – Ты что, брат? Это лёгкий путь. Следом захочется пройти СуперМарио. А никто этого не оценит! Я никак до финального флажка не могу там допрыгнуть.

Вместо объяснений Глобальный просто отключил связь, так как снова больно кольнуло. На понимание всех сирых и убогих в это новое ранее утро прекрасного дня в столице его пока не хватало. К тому же в Москве пока была скорее поздняя ночь. Но в Сибири об этом не знали.

И следом позвонил Василий Степанович:

– Боря, привет, дорогой. Как жив-здоров? – зазвучала более разумная речь.

– Аха, – ответил потерпевший.

Так как пришлось вновь потерпеть и подвигать ртом.

– Спишь, что ли?

– Не-а, – ответил Боря, так как вообще не планировал спать.

Тем более, неожиданно спать. Тем более, с челюстью набок!

С другой стороны, он был в кабинете. А это означало, что там, «дома», всё закончилось более-менее хорошо.

«А конкретика может и подождать», – уточнил внутренний голос.

– А, ещё не проснулся? – сделал ещё одну попытку Степаныч, сёрбая чаем.

Наставник от сантехнических наук завтракал. Не первый день живёт у женщины, но многолетнюю привычку издавать звуки хотя бы ради себя, чтобы убить тишину в квартире, так просто за шиворот не заткнуть.

– Йицо сомали, – вновь попытался объяснить ситуацию Боря, о чём тут же пожалел.

– Яйцо сломали? – удивился Степаныч. – Так ты теперь инвалид? Или стальное по медполису поставят? Тогда два надо ставить!

– Сепаныш...

– А звенеть не будет? – задумался наставник. – В бане, опять же, неудобно. Нет, ты не подумай, я тебя мудозвоном звать не буду. Просто самому обидно даже. Нихуя себе жертва! Да тебе же ещё детишек делать и делать.

Не слушая отдельных звуков в ответ, наставник по сантехническому делу продолжал сокрушаться. Но спустя пару-тройку сочувствующих фраз, тут же открыл ещё один секрет.

– А ты знал, что Обама – гей, а жена у него трансвестит? Майкл зовут.

– Сепаныш! – поморщился Боря, не готовый к новым теориям заговоров.

– А дети то ли приёмные, то ли выдают им их на фотосессию, а потом обратно в инкубатор складывают, – продолжил делиться мудростью наставник. – Ну или ставят. Я думаю, что они там все роботы давно. Потому что люди такое блядство в семье терпеть не будут. А с тех пор, как им всем терминатора через прививку под кожу загнали, все под одной программой ходят. А Бил Гейтс с джойстиком сидит и управляет себе! А что дальше? Косоглазые начнут водить самосвалы? Или правильно говорить «люди с ограниченными возможностями пройтись по прямой?». Я уже запутался с этой толерантностью, честное слово. Мир давно и целенаправленно даёт ёбу!

– Сепаныш, не сехах, – моргнул Боря и отключил связь.

Слушать об иллюминатах, масонах и Нибиру он мог только раз в месяц. Ещё от бани в декабре не отошёл, после которой Степаныч и заселился к Зое на дом.

«Вот ей пусть о гильдии каменщиков и рассказывает, мировые заговоры раскрывает или графику рисует на салфетке на тему – почему масло подорожало?» – добавил внутренний голос.

Только Глобальный связь отключил, как следом Наташка позвонила.

– Боря, ты что, на бутылку присел? – с места в карьер наехала рыжая краса, так как рыжий сын и так порядочно на

мозги её присел за последние недели. Беременность ещё гормонов добавляла.

Вся надежда вроде на Борю была, и тот подводит!

– Нихуда йа не сазился, – возмутился Глобальный, но не стал ничего добавлять, так как фразы «лицо сломали» и «ебало болит» люди просто не воспринимали, а на более подробный рассказ его пока не хватало.

– А ты уверен, что нам вообще стоит ребёнка заводить при таком раскладе?! – тут же начала жестить Наташка, которая с трудом себя видела в декрете, ухаживающей сразу за тремя детьми.

Рыжим, пьяным и основным.

– Йа захят! – даже возмутился в ответ Боря и снова отключил связь.

Тут же стало страшно. Задумался.

«А что, если психанёт и пойдёт аборт делать»? – тут же подложил дровишек на костёр паники внутренний голос: «Нет уж, успокой»!

И Боря принялся писать сообщение, затем сфотографировал себя, прикрепил доказательство. Вот он – пруф. Если кончилось доверие или даже истончилось, поверит.

Отправил с ходу. А затем понял, что отправил бате... Поторопился.

Пётр Глобальный в ответ звонить не стал. Но тут же написал:

«Да не собираюсь я даже беременеть! Не то, что на

аборт. Но судя по всему, я скоро стану дедом? А что с еблом? Или это от большой радости?»?

– Бхять, – буркнул Боря, откладывая телефон.

Не так они планировали Глобального-старшего в курс дела ввести. Но получилось, как получилось.

В кабинет, наконец, вошёл доктор. На этот раз даже удалось рассмотреть его. Лет тридцать на вид. Лысоват. Судя по быстрым движениям, опытный. На суете разве что.

На этот раз рук не мыл, но перчатки надел.

– Так, садимся на край кушетки. Лицом ко мне, – начал он инструктаж. – Что я сейчас делаю? Для общего понимания. Поднимаю тебе подбородок, большие пальцы располагаю на нижних зубах, остальные пальцы завожу под челюсть. Затем...

Тут он резко совершил движения вниз и назад. По хрусту и довольному взгляду Боря вдруг понял, что нижняя челюсть приняла своё первоначальное положение.

– Не болит? – уточнил хирург-травматолог.

– М... ммм... – отрицательно покачал головой Глобальный, по привычке не используя челюсть.

И если по существу, ртом бы вообще не двигать неделю.

– Если боли выраженные, то данную манипуляцию проводят под наркозом, – предупредил доктор. – Но ты и так в отключке был. Смотрю, крепкий вроде. И я понял, что исход благоприятный. Давай я тебе лучше назначу обезболивающие препараты. Попей по самочувствию. Через пару дней

отёк пройдёт. А пока попробуй как можно меньше говорить. И старайся ближайший час рот вообще не открывать. Понял?

Боря кивнул. Это движение получилось без боли. А вот первая же попытка что-то сказать натолкнулась на боль. Она небольшая, но если её можно избежать, то зачем она нужна?

«Лучше помолчать», – прикинул внутренний голос.

Карма, однако, словно что-то хотела от него. И тут же позвонила мать. Разговаривать Боря при докторе не решился и просто сбросил.

Специалист выписал ему рецепт, выпроводил в коридор. Как оказалось, там Глобального дожидалась блондинка с курткой на ногах.

Вика тут же подскочила с кресла ожидания, подошла, протянула куртку:

– Как ты? Вправили?

Боря кивнул.

– Болит? – повторила блондинка.

Сантехник поморщился, показал рукой жест «так себе».

– Говорить нельзя? – догадалась Лопырёва.

Боря кивнул.

– Тогда говорить буду я, – Вика тут же взяла его под руку, как будто не умел ходить в тапочках и повела к выходу. – Лариса с Володей в отделении интенсивной терапии. Так что добираемся до дома сами. Эх... что за ночка?

Боря пожал плечами. Сами, так сами. Вика вызвала так-

си через приложение, встали в проходе, чтобы ничего не отморозить пациенту. Тепловая пушка работает вместо печки, нагнетает горячий воздух и ладно.

В пятом часу утра трафик не сильный. Таксист, судя по карте, оказался поблизости. Но телефон зазвонил снова, хотя номер не высвечивался.

«Хм, странно», – отметил внутренний голос.

Полазив в гаджете, Боря понял, что это не звонок. Его просто добавили в групповой семейный чат и теперь верещит приложение.

В чате резко оказались добавлены «отец» и «сестра», которая на всякий случай добавила «мужа-Лёху», а рулила всем «мать».

«Боря-то наш на бутылку подсел» – обозначила название чата Галина Константиновна.

И тут разверзся ад!

– *Боря, ты чего? Давай доктора поищу,* – тут же обеспокоилась сестра.

– *«Защиться» не хочешь? Давай «торпеду» поставим!* – тут же добавил Лёха.

– *Весь в отца!* – добавила мать, которая набирала текст не так быстро.

– *Чего сразу в отца?* – возмутился Пётр Иванович. – *У него вообще-то баба беременна! Так что готовься стать бабушкой и нянчиться.*

– *Как бабушкой?!* – написала мама.

– Вау! Поздравляю, брат! – добавила сестра. – *Всё правильно. Лучшие сразу двоих-троих, а то потом тяжелее будет.*

– *Когда роды?* – спросил Лёха и тут же дописал. – *Надо будет тебе мешок детских вещей передать... Когда заберёшь?*

Боря только лицо в руку вложил, взвыл и попытался полить воды в этот семейный костёр.

– *Да не пью я!* – написал он.

– *Как это не пью?* – тут же возмутился отец. – *У него перенец намечается, а он решил не отмечать? Да я так написал, когда ты родился, что неделю дома не появлялся!*

– *Ой, Петя, не брешешь!* – написала мать, и все долго смотрели, как она ещё что-то пишет.

Первым не выдержал Лёха.

– *Так, когда вещи детские заберёшь? Тут и ползунки есть, и прыгунки.*

– *И носочки!* – добавила сестра, поставив смайлик.

– *С этим я сам разберусь!* – дописал Боря и тут подъехало такси.

На месте водителя оказался карлик с густой бородой и бровями. Представитель южных кровей, как на вид. Он сидел на подушечке, с придвинутым вплотную креслом. Вместо педалей, до которых тянуться, стояло ручное управление. Он буквально одними руками управлял автомобилем, дёргая то ручку газа, то тормоза, то отвечая на звонки по телефону. Иногда даже рулил. А если удавалось, успевал вклю-

чать поворотники.

Резкая боль ушла. Возможно, от осознания этой картины. Ведь следом карлик достал семечки и начал плевать их в стаканчик из-под кофе, как будто автомобиль шёл на автопилоте. Но больше всего Борю поразило, что автомобиль был на механике! Так что при всём при этом где-то ещё и сцепление отжималось.

«Здесь правит магия»! – тут же пришёл к выводу внутренний голос, так как следом водитель начал отвечать на видео звонок, ещё и умудрился помахать в камеру:

– Гоша, брат! Как сам? – отвечал такому же карлику низкорослый водитель, когда тот не матерился в ответ по-русски и совсем без акцента. – В смысле работу не можешь найти? Таксуй!.. Ой, да чего тут уметь? Берёшь, да едешь!.. Да я вообще без рук могу, смотри! Я тебе как в прошлый раз сказал? Мы, Маливанские, всё можем!

Гадать на тему «доедут или нет» не хотелось. Но глядя на фокусы самоуверенного водителя, у Глобального осталась лишь боль мелкая, ноющая. Незначительная по сравнению с возможным ДТП. Ещё голова болела от семьи. Что тоже тот ещё головняк.

Впредь Глобальный решил как можно дольше игнорировать телефон. А ещё старался перестать обращать внимания на дорогу. Только листик с рецептом достал и Вике протянул.

Посмотрел пристально так. Мол, заедем?

– А, рецепт? Сейчас закажу, подвезут, – тут же всё разрулила Вика и всмотрелась вместо дороги в каракули, где из всех букв алфавита только одна буква на «г» была похожа. – Что вообще такое? Я ни слова не понимаю. Эта кривая на каком языке? Ручку расписывали, что ли?

Автомобиль дёрнуло. Карлик заругался. Боря замычал следом.

Мол, надо всё же заехать в аптеку!

«А лучше там и остаться», – посоветовал внутренний голос.

– Он что у вас, из этих? – тут же посочувствовал таксист с акцентом и пристально в зеркало посмотрел на Борю.

– Их каких «этих»? – не поняла блондинка, ранее ничего подобного за Глобальным не замечая.

– Слюнями мне сиденье не зальёт? – грозно присмотрелся водитель, уточняя для себя самое важное.

– Не зальёт! – психанула Вика, что никак не могла распознать почерк, но доверилась технологии и попробовала загрузить рецепт в приложение.

Но то предложило купить смазку.

«Видимо, контекстная реклама выскочила. Пора уже прекращать баловаться с игрушками», – ещё подумала Лопырёва, пряча дисплей телефона от пассажира рядом.

– Не дошла ещё техника до дешифровки врачебных рукописей, – пожаловалась Вика следом.

Боря только моргнул в ответ, чтобы мычанием не раздра-

жать водителя. Который теперь чаще за ним смотрел, чем за дорогой.

Осознав, что помощи не будет, Вика вставила картинку-фотографию в автоматический переводчик-распознаватель. И тот почему-то решил, что это арамейский. А часть рецепта даже обозначил как «...*смешайте бугульму и берегите джугшурт...*».

– Что ещё за джугшурт такой? – пробормотала Вика, у которой закипел мозг.

И так несколько ночей не спала. А это самая бессонная выдалась. В голове туман. А тут ещё трудности какие-то, решать надо.

– Бледный он у вас какой-то, – добавил бородатый карлик тем временем, пристально разглядывая сантехника в зеркало. – Точно не... уставший?

– Я сама начинаю уставать от ваших вопросов! – взвизгнула Вика.

Водитель притих и попытался для разнообразия посмотреть в лобовое. На стекле у него висел видеорегистратор, держалка для навигатора, держалка для второго телефона с именованным приложением такси, а снизу стояла тройная иконка в развёрнутом виде, рядом с которой сидел толстый Будда и котик дёргал головой в такт дороге чуть сбоку. А на самом зеркале висели чётки с полумесяцем и болтался конь в красном, что говорило ясно лишь одно – водитель болеет за ЦСКА. А дальше бессильна любая разведка.

По сути для обзора на дорогу оставалась лишь узкая щель-бойница где-то спереди, а сзади не было и такой, так как на стекле висели надписи «20 сантиметров, холост», реклама-зазывалка в таксисты и значок чайника. Последнее обозначение даже нравилось Вике.

По нему она всегда определяла чаеведов.

– И что это за отношение к «уставшим»? – добавила блондинка грозно, не решившись переводить даже бугульму. Доверила это дело специалистам в дальнейшем. Пусть сами в своей аптеке расшифровывают. Готова даже доплатить за криптографию.

– Да я заманался слюни в химчистке убирать! – выкрикнул карлик, что за словом в карман не лез. – То собаки, то наркоманы на соли, то... уставшие. Метро для кого расширяют? Катайтесь там!

– Да я вам за такое отношение к людям единицу поставлю! – возмутилась Вика, так как Боря лишь напряжённо молчал, слабо понимая почему перед таксистом автомобили расступаются, как перед Моисеем море.

Возможно, дело было в утреннем часе.

«Ну или думают, что ребёнок за рулём», – добавил внутренний голос.

– Я тебе поставлю! Совсем, что ли? – резко перешёл на «ты» загорелый таксист, нервно дёргая бороду, в которой застряли семечки.

Вика в долгу не осталась и тут же заявила:

– А чего это вы мне тыкаете?! Я вам только выкаю вообще-то!

– А ты мне не выкай! – возмутился и водитель и уверенно добавил довольным голосом. – Я сам кому хочу – тыкаю!

– Я вам сейчас так натыкаю, что и рады не будете! – возмутилась блондинка.

Обстановка накалилась мгновенно. Боря снова замычал, обхватив голову. Лезть в драку с карликом в принципе не хотелось. Но сейчас особенно. Ему и так сломали лицо, а когда починится – не известно.

«Да и тот раз на кухне не планировал драться. Само вышло», – добавил внутренний голос.

Не зная, как разобраться с ситуацией без права голоса и без особого здоровья, Глобальный только снова в телефон залез. А там в чате уже новый участник. Батя добавил контакт **Натуся Новокурова**. Чтобы надолго знакомство с семьёй не откладываеть.

«Пошёл по принципу «кто первым внуков поделит на выходные – тот и прав», – добавил внутренний голос.

Всё, что до этого было в чате, оказалось лишь Чистилищем. Истинный ад начался следом, едва Боря вчитался.

– *Ах ты курва рыжая!* – начала пылко мама, прекрасно знакомая с этим персонажем, который уже отметился в их семье не с лучшей стороны.

Но дальше не сразу текст набрала.

– *Это я курва? Да я вам вообще никого рожать не буду! И*

не собиралась даже! От кого там рожать? Отец пьёт, дед – придурок. Остальные не лучшие, – тут же ответила Наташка.
– *Чего это я придурок?* – в свою очередь возмутился Пётр Глобальный.

Всё рассчитывали на объяснения, но пока Галина Константиновка успела дописать лишь:

– Вот же блядь идти вперёд едровый лапоть!

Очевидно, дополнение не обошлось без помощи Т9.

– Я не блядь, я честная давалка. У меня всё по любви!
– возмутилась Наташка для одной и добавила для другого.
– *А ты, Петя – придурок. И вообще, я новых Глобальных плодить не планирую! Мне бы своего из этого выводка до пенсии дотянуть.*

И рыжая эффектно покинула чат.

«А если кричат в спину – значит, просто завидуют», – добавил внутренний голос Борису.

– Петя, ну ты дурак? – тут же дописала Галина Константиновка так быстро, как будто уже использовала не раз эту фразу и алгоритмы телефона точно знали, что она хочет сказать.

– Чего это я дурак? – снова спросил батя.

– Батя, ну ты и дурак! – дописала сестра следом.

– Пётр Иванович совсем не дурак, – попытался встать на защиту тестя Лёха, но все тут же начали вставлять в чат коричневые смайлики с глазками.

– Ой, а почему тут столько шоколадного мороженого?

– некоторое время спустя спросила мама.

Ответа ей не дали. Так как следом «Пётр» покинул чат, затем «Лёха», а «сестра» вышла, только добавив:

– *Ну вы блин, даёте.*

Чтобы мать не расстраивалась, Боря перед выходом начал набирать большой, всё объясняющий текст. Но незадолго до того, как надавить «отправить», чат покинула и «мама», следуя эффекту стада, идущего на водопой.

«Все побежали, и я побежал», – тут же дал комментарий внутренний голос и на это.

Боря снова замычал, почти утробно. Так, что даже Вика на него покосилась.

– А он мне сиденье не обоссывает?! – тут же наострился водитель, который едва остыл, а тут новые страхи по вложению в химчистку нагрянули. – Вы бы предупредили. Я бы целлофан сзади постелил! О таком сразу надо говорить!

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась Вика и начала стучать ладошкой по изголовнику водителя. – Человек только из травмпункта!

– Я сейчас тебя саму в травмпункт отправлю, если не прекратишь стучать! – добавил карлик грозно.

– Кто, ты? – наконец, перешла на «ты» и блондинка, устав от бесполезных угроз и решив перейти к нормальной драке.

«Она девушка. Он – карлик. Равные гендерные условия, выходят», – добавил внутренний голос и всё могло бы так и закончиться, но водитель резко остановил автомобиль у бли-

жайшего поста ДПС и решил высадить буйных пассажиров без дальнейших разборок.

– Вон отсюда! – заявил на прощание карлик Маливанский и снова принялся набирать брата в Сибири. – На такую езду я не подписывался!

Боря устало взвыл и снова сделал покер-фейс.

Глава 6 – Приключения жёлтого автомобильчика

Капитан Сергеев обещал жене не геройствовать. И даже уверял, что спокойнее, чем на этом посту ДПС, смены не существует во всём Подмосковье. Они же не жмутся тут по кустам, не прячутся по переулкам и среди потоков автомобильных не встревают занозами. Но походило на то, что случившись. Ведь теперь ухо фонило от выстрелов с автомата, а мозг припомнил, что последний раз его обладатель стрелял ещё в «срочку».

Адреналин сыграл роль, подстегнул капитану здоровье. И пока сердце тревожно тянуло, зрение стало чётче и вычленило любопытные детали. Перед глазами стоял простреленный Ламборджини. От его нового вида было не по себе и немного колело в боку. И когда снова включился мозг, аналитика писала в голове лишь одно слово. И то курсивом, с подчёркиванием и жирным шрифтом – *жона!*

Лейтенант Колокольцев стоял рядом и рассматривал автомобиль со всех сторон с видом эстета.

– Вот это решето! – заявил он то ли в восторге, то ли как факт.

Нет, с левого края транспорт для элитных задов выглядит

вполне себе целым. Нет там претензий ни к переду, ни к задку. Даже фару протёрли своими силами. Им не сложно. А вот правый край был уже с протёртой полосой вдоль борта, которую ни одна тряпка не брала. Даже если на неё поплевать. А из колёс можно было смело делать посыпку на дорожки. Порвало в лоскуты.

«На лоскуты и мы пойдём, когда хозяин автомобиля придет и заставит второе колеса дожевать», – прикидывал капитан, остро сожалея о том, что ещё не дослужится до генерал-майора.

«На таких автомобилях простые люди не ездят» – точно знал капитан Сергеев.

Колокольцев только плеснул бензина на его костёр страхов, едва нашарил в телефоне цену на комплект зимней резины.

– Слушай, ну комплект из четырёх колёс на Урус всего миллион стоит. Но это на литье. А литье мы вроде не задела. Старое оставить можно. Так что смело скидываем сотку другую.

Сергеев подошёл к колесу, присел на корточки и пошкрябал ногтем литье. Вроде, действительно, не задето. Настроение немного улучшилось. Не четыре же колеса менять. А лишь два. А это полмиллиона, минус литье. Тысяч по сто на резину всего выходит. Зарплата за квартал.

«Если не есть и ничего не покупать, то хватит», – обрадовала дальнейшая аналитика.

Но тут взгляд поднялся выше, до полосы, что прямо-таки резала по сердцу. И Сергеев с кислой рожей добавил:

– А корпус сколько встанет?

– Так, кузовные работы... – тут же зашарил в телефоне Колокольцев. – Ну, ещё миллион.

Сергеев схватился за сердце.

И сотрудник тут же поправился:

– Не, в смысле всего миллион! Если с колесами округлить, и стекло от Лады вырезать, то в лям и встанет.

Дышать стало немного легче.

– Ты полмиллиона, я полмиллиона, – прикинул тут же Сергеев и остро пожалел, что в смене всего два человека, а не пять-шесть. Так бы приняли удар на себя. А после аванса вообще не заметили. А если ещё и по старой схеме работать, с взятками, вымогательствами и видом, что не заметили товара, который случайно поехал в столицу, то даже в плюсе бы были.

В конце концов, сколько там москвичей дуба дадут от старого лука или молочной просрочки? Никто и не заметит, учитывая влияние воды из Москва-реки. Сгладит статистику. А если с Клязьмой, Неглинной и Яузой брать, то вообще не придраться.

– А я-то причём? – изрядно удивился Колокольцев, тут же разбив все эти мечты и ностальгию о былом. – Ты оружие раздал и начал стрелять! Я лишь подхватил.

– А притом, лейтенант, – подобрал особый голос человек

выше по званию Сергеев, который нельзя не слушать. – Что лучше полмиллиона заплатить и дышать обоим, чем скидываться на похороны другу, помогая тесному семейному кругу всю жизнь.

– Сергеев, а мы друзья? – только и спросил лейтенант, не помня, чтобы после смены с шефом пил пиво или ходил играть в боулинг.

Не говоря уже о рыбалке, на которую за сотню километров ехать. Даже в баню на Новый год Сергеев не позвал. Только хвастался, что в прорубь нырял. Пока отрицательные температуры были. А банкет вообще не в счёт даже. Там начальство платило. И то – все скидывались.

Капитан поднялся с корточек и снова застыл, крепко задумавшись. Ночную темноту уже разгонял рассвет, на смену холодному дождю пришёл бодрящий ветер. Влажность существенно повысилась. Но жить можно, если о долге не думать.

Это пару часов назад, когда следом за принудительно остановленным автомобилем прикатил микроавтобус и из него посыпал спецназ, влажность едва не повысилась в штанах. Но ребята в камуфляже лишь задержанных взяли под белы ручки, забросили в салон и увели. Сдержался.

А вот жёлтый автомобиль спецназовцы брать отказались. Только посмотрели выразительно. Типа, сам разбирайся. Наверное, потому, что без колёс тот далеко не уедет.

«А с пробойной в корпусе этот дорожный корабль пусть

лучше дожидается своего капитана», – понял капитан столичного полка ДПС, что вскоре может стать ротой.

Воображение Сергеева уже рисовало возможного владельца подобного автотранспортного средства. Если начальник ездил на внедорожнике, то тот был гораздо проще. Этак раз в семь-восемь дешевле и быка на значке на капоте не виднелось.

«Но если есть бык, значит, бизнесмен, а то и политик», – подумал Сергеев: «Сука, да лучше бы я Феррари расстрелял! На них хоть деталей побольше на рынке»!

Однако, хрен редьки был не слаще. Так как оба не знали ни бизнесменов, ни политиков. Зато знали, что «спасибо» за такой возвращение автомобиля не скажут. Зато обязательно потребуют за порчу имущества. И если даже проценты не выкатят сразу, то самому придётся в ножки кланяться и «спасибо» говорить господам.

«На то она и – элита», – подытожил Сергеев и остро захотел напиться.

Но не было даже сигарет. У обоих пачки закончились в первые минуты, как спецназ укатил. Выкурили по три-четыре сразу и не заметили. Остальные в течение часа ушли. Под угнетающий вид расстрелянных колёс.

За этими заботами Сергеев и Колокольцев даже не обратили внимание, когда к посту вдруг подъехало такси без шапочки, но с полоской и обильной рекламой на заднем стекле. На дорогу из салона первый вышла разгневанная блондинка,

крича на чём свет стоит на водителя. Следом показался мужчина необычного вида. На нём была зимняя куртка, летние домашние шорты и тапочки. Под курткой торчала майка. А сам мужчина молчал как замёрзший осётр. Ни слова от него. Ни движения. Загадочный.

Таксист же, активно жестикулируя в приоткрытое стекло и кричал грозным голосом на всю округу:

– Да ставь что хочешь, шарап твою мать! Люзгарм! Дэра! Ясаум дэра! Абзац твою налево!

Затем он дал резкий старт и снова вклинился во всё увеличивающийся поток, и думать не думая ни о каком поворотнике.

* * *

«Ну, по крайней мере, мы живы», – прикинул внутренний голос Бориса.

Закончив фразу, идеальный для пассажиров маршрутки водитель вскоре дал по газам. А двое остались у обочины на ветру.

– Да уж, о таком в книгах на напишут! – заявила Вика. – Читал «горе, о, туман»? Или «мёртвые в душе»? Чему только классика людей учит? «И диодов» на всех не хватает!

«Не, только «Тарас и бульба». И «трое в лодке, нищета и собаки», – подумал Боря с таким видом, чтобы сама додумала.

И пока одна снова втыкала в телефон, другой только на пост посмотрел, затем перевёл взгляд на автомобиль и зрачки расширились.

Это же тот самый автомобиль!

Подняв руки к небу, Боря сделал жест «спасибо», замычал для привлечения внимания спутницы и устремился к Урусу через дорогу. Ведь с левого края автомобиль по-прежнему выглядел прилично и не сразу можно было заметить, что стоит впритирку к стальному ограничителю дороги.

Следом Глобальный устремился за руль прямо с дроги, но дверь оказалась закрыта. Пришлось обходить с другой стороны. А там двое в форме стоят и зелёных жилетах красуются.

«Охраняют», – подумал Боря и хотел уже руки пожать доблестным служителям порядка на дороге.

Но едва сантехник голову повернул и увидел автомобиль с другого края, как челюсть отпала. Точнее, собиралась отпасть, но больно кольнуло. Так что челюсть перегонщик придержал.

Зато какими стали выразительными глаза!

Боря замычал уже как следует. Упал на колени и воздел руки к выбитому стеклу, потом потянулся к переднему правому колесу. И замычал ещё сильнее!

– Эй, убогий. Хрена ты тут забыл? – глядя на мужика с оплывшей рожей с синяком на половину лица, в шортах, куртке и шлепанцах, спросил Колокольцев. – Капитан, тут

церковь рядом построили что ли? Или переход заработал? Что за экземпляры попёрли с утра?

Боря замычал ещё сильнее. Из протеста. И почти перешёл на ультразвук, едва взгляд за корпус зацепился. Машина уже не была на вид как новая.

«Ни разу», – подтвердил и внутренний голос.

От осознания этого перегонщик схватился за голову и принялся наклоняться, покачиваясь.

– Эй! Горемыка! – повторил лейтенант.

Но Сергеев лишь положил ему руку на плечо:

– Оставь его. У них сейчас утренняя молитва. Не церковь это, походу, а... другое здание.

– Синагога? – с сомнением переспросил Колокольцев, так как переаттестации не проходил, а пришёл в штат из нового набора.

А тех и так недобор. С них особого не требовали. Некоторые даже через курсы умудрились на службу поступить, отсидев пару месяцев за партой вместо нескольких лет.

Продолжая мычать, Глобальный вдруг подскочил и стартанул побыстрее сесть за руль. Во-первых, так согреется и от ветра хотя бы с трёх сторон защита. Во-вторых, документы проверить в бардачке надо и брелок вернуть с меткой.

Но едва коснулся двери, как Сергеев схватил его за руку, шиворот и исполнив разворот, швырнул подальше от автомобиля.

– Ты с ума спятил? – добавил он и показал куда-то в сто-

рону пешеходной дорожки. – Иди там молись!

Глобальный мог простить москвичам разное: налёт, сломанную челюсть, госпитализацию и одежду не по погоде. Всё-таки что первое подхватили с собой, в том и отвезли. В больнице даже незаметно было. Как и в такси, пока дорогу переходил, холода не замечал. Но теперь – он резко замёрз. На нервной почве.

– Оставьте его! – бежала через дорогу Вика, но на высоких каблуках это было делать не так просто. – Это его автомобиль!

– Что она кричит? – не понял Колокольцев на ветру.

Глобальный же крик как раз расслышал, так как давно настроился на низкий звук звучания блондинки. И решив было, что всё улажено, снова рванул к рулю.

Но на этот раз Сергеев не церемонился. С возгласом:

– Как же вы все меня заебали! – он рванул автомат на себя и припечатал Глобального в многострадальную нижнюю челюсть.

Когда Вика подбежала и повторила «это его автомобиль», гость столицы уже валялся на асфальте, а челюсть на этот раз была вывернута в другую сторону.

– Ё-моё! – только и сказал Сергеев.

Колокольцев же, предчувствуя скорое понижение коллеги, лишь потёр лоб, усмехнулся и спросил:

– Андрей, а ты кто по гороскопу? А то овнам и скорпионам сегодня рекомендовали сидеть дома по радио. Ну вот и

нахуй ты на работу пошёл?

– Походу, по гороскопу я теперь пассатижи, – признался Сергеев и приложив дуло автомата к виску, решительно вдавил спусковой крючок.

Но рожок уже опустел. А второго не выдали.

– Тьфу! – ругнулся капитан, убрал автомат и попытался хотя бы потерять сознание.

Но и этой опцией природа его не наградила.

* * *

Лариса слушала дыхание Богатырёва. В аппарате-ИВЛ вроде не нуждается, дышал сам и реанимации удалось избежать. Но всё равно выкупила на неделю вперёд отдельную палату и внимание медперсонала, чтобы до верного лечили. На всякий случай – от всего, включая чуму и бешенство.

Для профилактики.

Теперь Володя валялся на мягкой кровати в окружении аппаратуры, которая улавливала каждый нюанс. А в палату каждые десять минут заглядывала медсестра и каждые полчаса навещался врач.

Пока лечение заключалось лишь в капельницах, уколах и покое, но после утреннего обхода обещали «заняться им как следует».

А пока Лариса сидела у кровати и читала книгу «интересные факты о Техасе». Предпринимательская чуйка подска-

зывала ей, что через пару-тройку лет у них там начнётся.

Приборы пикали, она порой косила на них взгляд, не особо разбираясь в показании кривой. Конечно понятно, что пока не станет прямой, всё в порядке. Но может не чёрточкой ей стоило отмечаться, а галочкой? Этого она не знала, зато из книги с жёлтой обложкой подчерпнула для себя много интересного.

Например, то, что в Техасе находится часть ядерного арсенала США и Южно-Техасская АЭС, а также гигантский завод по производству ядерного оружия «Пэнтекс». И для государства, что было независимым целых девять лет (с 1836 по 1845 годы), это немало значит в условиях не стабильного, быстро меняющегося мира. А ещё Техас называли «штатом одинокой звезды» и он был больше любой европейской страны, если не считать Европой и Россию. При этом обладал возможностями двенадцатой экономики мира, лавируя где-то между Австралией и Испанией.

– Слышал, Володя? – даже зачитала она вслух. – Техас занимает первое место в США по количеству аэропортов, производству шерсти, хлопка и добыче нефти. А граждане Техаса могут легально приобретать практически любое оружие, кроме артиллерийских установок. Зато в штате зарегистрировано более 30 000 частных пулемётов. А вам сколько выдавали на дивизию?

Богатырёв не ответил, разглядывая цветные сны про русалок и попытку их раздеть. Но глаза дёргались, пока пытал-

ся определить где чешуя, а где костюмы. И Лариса спокойно продолжила:

– Большинство жителей Техаса консерваторы, сторонники конфедерации и республиканцев, ненавидящие представителей «повесточки». То есть они не против подвесить за пятки на ближайшем суку представителей ЛГБТ, не понимают «культуру отмены» различных стран и не поддерживают леволибералов. За это демократы называют техасцев «ред-неками» – «красными шеями». Короче, «рабочее быдло».

Богатырёв дёрнулся, получив леща хвостом. Но следом показали грудь, так что немного расслабился, успокоился.

– У Техаса есть собственная клятва верности, – продолжила Лариса просвещение: «Почитаю флаг Техаса. Я клянусь хранить верность тебе, Техас, единый в своей неделимости перед Богом». Она обязательна к принесению после клятвы гражданина США. И знаешь, что интересно? В разные годы от 42% до 71% граждан Техаса заявляли в соцопросах о поддержке отделения от США и объявления независимости. При наличии ядерного оружия, армейских баз, сильнейшей Нацгвардии, АЭС и запасов нефти им не сложно. И вот как не помочь товарищам? Что думаешь?

Богатырёв не думал, но с сомнением разглядывая русалочью икру. Всю оплодотворять или часть пустить на засолку?

Лариса Борисовна давно ждала звонка Вики. И едва увидела подсвеченный экран телефона, как тут же закрыла книгу и без сомнения взяла трубку:

– Ну что, вы уже дома? Срач там убери. У нас всё-таки гости.

Какового же было её удивление, когда ответ оказался отрицательным.

– Как снова в больнице?! – округлила глаза бизнес-вумен.

Если первую фразу Лариса Борисовна сказала шёпотом, то на второй перешла в полный голос.

Тут же побив себя по губам, бизнес-леди вышла в коридор.

– В смысле челюсть выбили? Кто?.. Как ДПС? Их ещё умными пылесосами не заменили, что ли? Ой, погоди, генерал на второй линии. – Лариса переключила. – Слушаю, Борис Валентинович. Как там с выяснением? Наказываете?.. В смысле трансвеститу даже нравится? Что ещё за трансвестит? Вы его там шлёпаете, что ли?.. В смысле Диадема?!.. Да, знаю. На хату мою позарился и доброту за слабость принял... Ну, конечно, надо воспитывать... Да знаю я насчёт мотивации. Скажи парням, если вернут то, что эти забрали, я им новый микроавтобус куплю. Инвестирую в правосудие, так сказать. Чтобы пошустрее было и сразу догоняли, без подмоги. Но скажи мне на милость, какого хрена вы автомобиль ментам оставили?.. В смысле сломан?!. Так, Борис, давай я тебе перезвоню.

И Лариса снова переключилась на первую линию.

– Вика, а где машинку ту жёлтенькую, говоришь, оставили?.. А, знаю. Да. Слушай, ну какие ещё матерящиеся «полу-

рослики»?.. В смысле не знаешь, как правильно карликов называть? Их со времён Карла первого карликами зовут. Средние века, ёпта!.. Нет, его как раз Чарльзом не звали... Блин, не до династий и переводов сейчас! Не забивай голову... Короче, у меня там свой человечек в ведомстве есть. Всем раздаст по заслугам... А о Боре позаботься, конечно. Что мы за хозяева-то такие?.. И машину мы ему починим, пусть не переживает... А, пока без сознания? Ясно. Короче, разберись там, а я тут... До связи!

При мыслях о Борисе Глобальном Лариса ощутила, как невольно потеплело внизу живота. И что-то вытекло на ткань. Если подумать, то ещё от прошлого подарка немало в ней осталось. А уже нового хочется.

Лариса присела в коридоре на диван у сестринского поста и невольно улыбнулась, заглянув в трусы. Парень помог ей встретить Богатырёва, починил всё в доме, в ночи порадовал, а как они ответили гостеприимством?

«Лицо пару раз сломали. Либо для симметрии, либо чтобы точно знал, что с москвичами шутки плохи», – вздохнула Лариса и сначала автослесарю позвонила, чтобы машину в ремонт забрал.

Лишь затем по списку контактов прошлась, начиная шухер наводить от начальника безопасности посёлка, до главного по области в силовых ведомствах.

«Всё компенсирую. Ещё и должны останутся», – точно знала Де Лакрузо.

В процессе обзвона и раздачи пиздюлин, снова на вторую линию позвонили. Скосила глаза. А там подсвечивается «Галина Ивановна».

Тут же переключилась.

– Да, «мама»? – ответила она маме Богатырёва. – Как погода в королевстве слонов?.. В смысле дед устал облазить и домой хочет?.. Почему уже вылетел?.. Да, и когда пребудет Степан Степанович?.. Так это же через восемь часов... конечно, встретим... И бабка с ним? А, ну Анфису Анатольевну ждём с распростёртыми, конечно. А сами чего не летите? Бизнес не на кого оставить?.. Нет, не подкальываю. Но не каждый же день сын из плена возвращается... А, билетов не было. Понятно. Следом прилетите, значит. Тогда жду через два дня... Да. Всех любим и ждём... Конечно, вовремя. Просто неожиданно... Давайте... Ждём!

* * *

Вскоре уже Вика отключила связь и посмотрела на травматолога. Тот оторвался от записей над столом и едва взглянув на пациента на кушетке, поморщился:

– Да я же ему только что вправлял!

– День насыщенный, – сухо добавила Вика, немного смущённо прикрывая полосу на лице.

Блондинка старалась вести себя так, словно уже и не дралась с ментами, отбирая автомат на психе на посту ДПС.

Теперь снова, как и раньше Лопырёва была примерной девочкой, которую родители бросили в детском доме. Раз дочь героя, значит гены оставили хорошие! И прочитает она все те книги не только по комиксам, ничего страшного. Ведь теперь у неё объявился папа, будет кому рассказать. А весть о том донёс парень, которого из благодарностей только по больницам и катают.

Вика покачала головой. Нельзя так. Но и кому расскажешь – не поверят.

Хорошо второй полицейский её оттащил. Мирно разошлись. И доставили быстро с первой включённой мигалкой. Капитану чего не включить, убегая и прячась от неё в служебной машине? Ему не сложно. Только дальше их пути разошлись. Она с потерпевшим – в карету скорой помощи пожаловала, которую поймали по встрече. А люди в форме – к начальству на ковёр изволят. На выволочку отправят после первого же звонка Ларисы.

– Вы тогда в чувство его приводите. Я без сознания вправлять не буду, а то язык ещё проглотит, – заявил травматолог насчёт Глобального и вышел в коридор, так как телефон его снова зазвонил, а до конца смены было ещё пятнадцать минут.

Чего хватило бы как минимум, на один перекур.

И он вышел, а Вика осталась. Она посмотрела на Борю, потрепала его по опухшей щеке.

– Эй, проснись!

Но Боря лишь поморщился, так как уже не часть, а всё лицо болело. И ощущалось это даже в тревожном сне. Правда снились ему не русалки, а жар-птица. С губищами горящими. Целуется – огонь.

Решив больше не трогать лица, Вика пыталась дёргать сантехника за плечо. Но от этого челюсть набекрень тоже дёргалась. И Боря снова морщился. Целовался он во сне как в последний раз. И пока все пытались поймать Жар-птицу, Глобальный пытался её приспособить. Всё такие больше девушка, чем птица. И вместо крупа – зад загорелый.

Почесав полоску на лице от пальца лейтенанта Колокольцева (что осталась на ней до того, как она его за тот палец укусила), блондинка осознала свою ошибку. И начала трясти пациента за ногу.

Нога оказалась холодная ниже шорт.

– Да ты же замёрз весь! – заявила Вика и начала растирать ноги.

От интенсивного движения резинка шорт чуть сползла и семейные трусы обозначили мужские достоинства. Вика приоткрыла рот, резко осознав, почему и благодаря чему ночью Лариса так кричала.

Руки тут же попытались вернуть всё, как было. Но весил Боря в отличие от Володи сейчас гораздо больше. И подтянуть шорты обратно не удавалось, не сдвинув тела. Зато от трения (и, возможно, утреннего стояка) всё, что раньше покоилось, вдруг всколыхнулось и начало выдаваться вперёд.

Топорщится.

– Так-так-так! Мы так не договаривались! – возмутилась блондинка, очень переживая, что сейчас кто-нибудь войдёт в кабинет, а тут такой конфуз. – Боря, не увеличивайся в размерах!

Но Глобальный не слышал. Он был уже так близко к заду огненной полудевы с большой грудью. Весь вопрос теперь лишь в том, когда яйца отложит – ему высиживать или ей?

Вика о детях не думала. И лишь интенсивнее заработала руками, но тёплые руки на холодных ногах воспринимались телом как ласка, а бедро даже дёрнулось от щекотки и трусы натянуло как парус, поднятый на ветру.

– Вот так мачта! – невольно присвистнула Вика, осмотрелась и задёрнула шторку, чтобы вернувшимся ненароком доктор чёрте что не подумал.

Она тут человека спасает, если что!

Так они оказались в кабинете вдвоём, за ширмой из белой ткани неизвестного материала. Но больше неизвестности было теперь в том, что дальше делать с мачтой? Разные таблицы и графики висели в кабинете, но такой пункт в оказании первой помощи точно отсутствовал.

– Боря, прекрати, – уже прошептала Вика поплывшим голосом, так как доктор наверняка бы отказался вправлять челюсть пациенту с возбуждением. А некоторые бы даже приближаться не стали.

Но Боря был в спасительной отключке и не прекращал.

Напротив, окреп. Ведь Жар-Птица оказалась той ещё чертовкой.

– Да что ж это такое! – возмутилась Вика и освободила ствол окончательно, чтобы поговорить с ним тет-а-тет.

Как артисты в микрофон.

В процессе даже дёрнула пару раз. А затем поняла, что дыхание сбилось. А сама смотрит безотрывно, как вздулись вены и краснеет кончик.

– Боря... – уже совсем томно добавила блондинка, ощущая, как становится влажной, а рот наполнился слюной.

Прислушалась. В отделении шум, но рабочий. И заходить никто не спешит. Пересменка.

Тогда она посмотрела строго перед собой, покраснела и тихо добавила:

– Да, похуй!

И мгновенно исполнила озвученное.

Белая ухоженная ручка вдруг начала гладить, тереть. А присев поближе и взявшись второй рукой, начала дёргать кожу туда-сюда.

– Только давай быстрее! – подстегнула она.

Пот прошиб тело и выступил крупными каплями на лбу. Уже пару минут спустя Вика всецело поняла искажённую поговорку «ох не лёгкая это работа – драть бегемоту».

Но следом приключилось два момента. Кабинет вдруг открылся. И за ширмой прозвучало:

– Вы проснулись? Сейчас руки помою, перчатки надену

и начнём.

А ещё Боря вдруг начал стрелять, наполняя руки коварной Жар-Птице.

Первый залп был неожиданным. Блондинка вздрогнула и действительно собрала всё в руку. Второй залп обтёрла локтем своей куртки, благо – белая. А на третьем (и последнем) дело приняло плохой оборот, так как поток взбитой пены в этом чудесном плавании оказался самым обширным и грозил залить всю кушетку.

Вика не нашло ничего лучше, как наклониться и собрать всё ртом. После чего сглотнула, облизнула и начала быстро заправлять всё остальное внутрь одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.